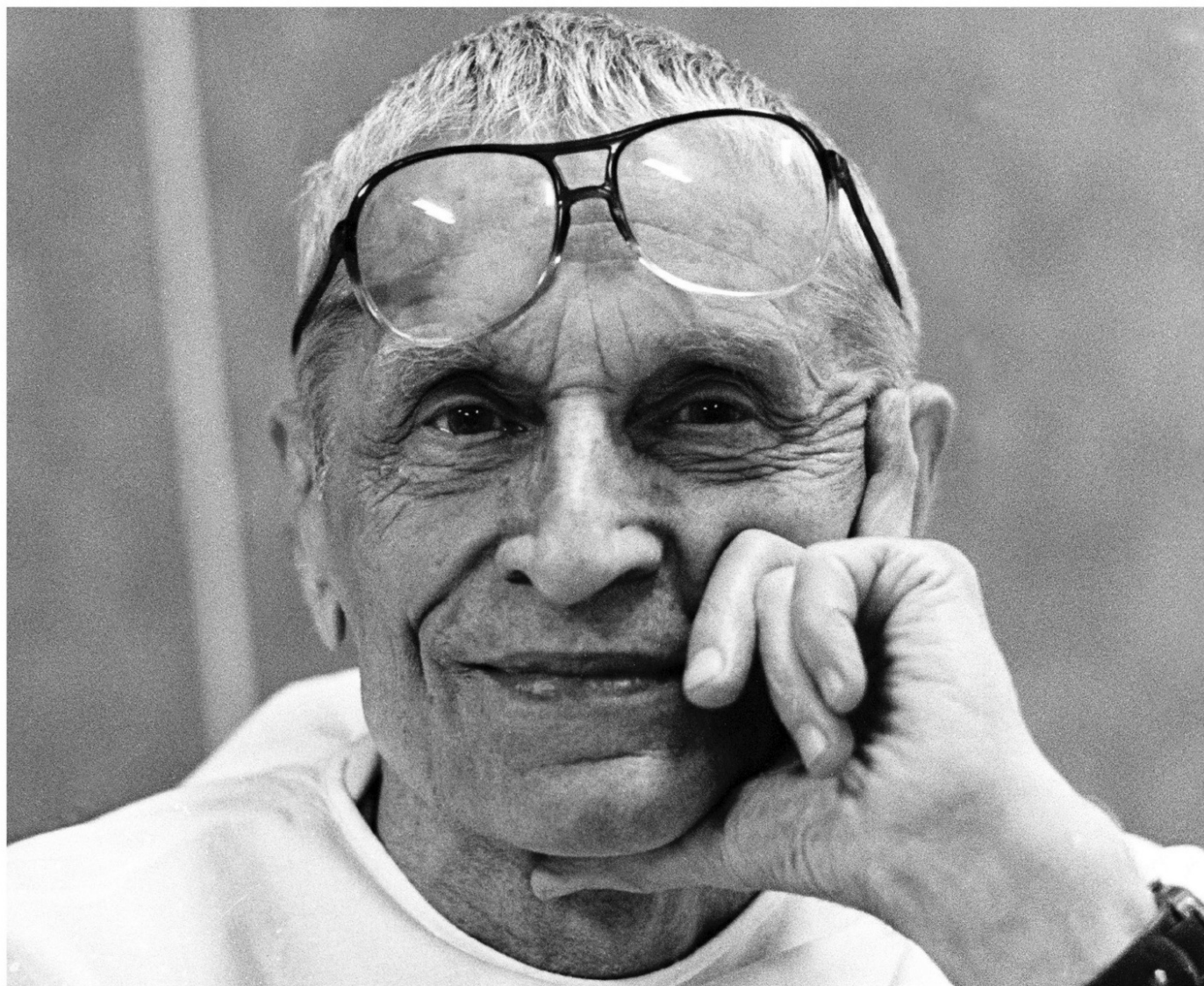

Николай АМОСОВ

МЫСЛИ
и СЕРДЦЕ

Николай Амосов
Мысли и сердце

«Диалектика-Вильямс»

2019

УДК 84(2Рос-Рус)6
ББК 82-311.1

Амосов Н. М.

Мысли и сердце / Н. М. Амосов — «Диалектика-Вильямс», 2019

ISBN 978-5-907114-08-1

Эта книга известного хирурга-кардиолога, ученого и писателя Николая Михайловича Амосова, является его дебютной книгой, поэтому автор предстает перед читателем не знаменитым врачом, светилом медицины и безусловным авторитетом, а обычным человеком, со своими страхами и сомнениями, мечтами и надеждами. На его плечи возложена огромная ответственность за пациентов, за клинику, за те решения, которые он принимает. Это честная и очень откровенная книга, в ней много боли и сомнений, нет хвастовства или самолюбования, зато много сожалений о не сделанном или неправильно понятом. Легко ли быть врачом? Оказывается, нет, и особенно сложно быть хирургом, когда от каждого твоего решения, единственного, почти незаметного движения руки зависит чья-то жизнь. В книге много подобных размышлений, автор остро ставит вопрос о врачебном долге, ведет разговор с собственной совестью. Это дневник сильного человека, ведь только сильный может открыто говорить о своих слабостях и сомнениях, выставлять на всеобщее обозрение свои чувства и мысли. Мысли о сердце, долге, ответственности, надеждах и не только.

УДК 84(2Рос-Рус)6
ББК 82-311.1

ISBN 978-5-907114-08-1

© Амосов Н. М., 2019

© Диалектика-Вильямс, 2019

Содержание

Книга первая	7
Первый день	7
Второй день. Через два года	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Амосов

Мысли и сердце

© ООО «Диалектика», 2019

Книга первая

Первый день

Это морг. Такой безобидный маленький домик стоит в углу институтского сада. Светло. Яркая зелень. Цветы. Кажется, по этой тропинке ходит Красная Шапочка. Нет. Здесь носят трупы.

Я доктор. Я иду на вскрытие. Вчера после операции умерла девочка. У нее был сложный врожденный порок сердца, и мы ее оперировали с выключением сердца и искусственным кровообращением. Это новый метод. Газетчики расписывают: «Поступает умирающий ребенок, подключается машина, сердце останавливается, десять-двадцать-тридцать минут героической борьбы, пот со лба хирурга. Все в порядке. Врач, усталый и счастливый, сообщает встревоженным родителям, что жизнь ребенка спасена. Через две недели здоровый мальчик играет в футбол».

Черт бы их побрал... Я вот иду на вскрытие. Никакой врач не любит этой процедуры – провожать свою работу в покойницу. И я не люблю. Когда все ясно, – посылаю своих ординаторов. Они потом докладывают результаты на утренней конференции. Докладывают – и спишут человека. Так, наверное, кажется, если послушать эти сухие доклады: «На вскрытии обнаружено...» Нет, не так. Лежат эти покойники в памяти, всю заполнили. Дышать трудно.

Стоп. Давай, профессор, иди и делай свое дело. Не пытайся себя разжалобить. День только начался.

Комната такая, как во всех моргах. Какая-то серая. Окна вроде большие, а света не пропускают. И не потому, что стекла до половины замазаны жиденькой белой краской. Не знаю, почему.

Стол оцинкованный. Бедность, нужно бы мрамор. А впрочем, покойнику все равно. Смешно – сколько я видел трупов, а не могу привыкнуть. Вот она лежит. Такая маленькая, худенькая, на большом столе. Косички. Вчера утром, наверное, мама последний раз заплела. Банты смялись. Не нужно смотреть. Нет – должен. Ведь смерть – это конец. Всему конец.

– Приступайте.

Прозекторам (врач, делающий вскрытие), наверное, все равно. Ведь они не лечат. А может быть, тоже чувствуют.

Стоят наши врачи. Некоторые из них мне вчера помогали. Кажется, достаточно грустны. Меня ужасно бесит, когда в секционной смеются. Тут смерть. Шапки долой. Впрочем, все условно...

Мне нужно знать: все ли сделано как надо? И как нужно делать лучше, чтобы другие не умирали? Или хотя бы реже умирали?

– Перчатки. Инструменты. Я сам должен посмотреть сердце.

Был сложный врожденный порок сердца – называется «тетрада Фалло». Это когда сужена легочная артерия, а в перегородке между желудочками остается отверстие. Темная венозная кровь подмешивается к артериальной, детишки задыхаются и синеют даже при небольшом усилии. Редко кто доживает до юношеских лет.

Может, доктор, немного утешится? Все равно померла бы девочка. Мать рассказывала – целыми днями сидела у окошка, завидовала другим. Но в куклы играть была большая мастерица. Фантазерка. Так что из нее могла бы выйти поэтесса... Или художница... Может быть.

Два типа операции применяются при таких пороках: можно расширить вход в легочную артерию специальным инструментом на работающем сердце, вслепую, не ушивая отверстие в перегородке. Выздоровление не наступает, но несколько лет жизни прибавляется, и дети

становятся подвижными. После операции умирает пятнадцать процентов. Второй тип операции: сердце выключают с помощью машины «сердце – легкие», желудочек широко вскрывают. Отверстие в перегородке зашивают заплатой из губчатой пластмассы. Вход в легочную артерию расширяют, удаляя часть мышечной стенки желудочка.

Это очень трудно. Сердце открыто почти целый час. Кровь в него по окольным путям все-таки поступает и сильно мешает шить. Внутри можно повредить сосуды, клапаны. После того как все закончишь, сердечные сокращения очень слабые, часто возникают разные осложнения. Умирает около тридцати процентов.

Вот он, этот процент. И вообще, жизнь и смерть в процентах... Как в бухгалтерии. А куда денешься? Нужно искать утешение. Все-таки семьдесят девочек из ста пойдут в школу, вырастут и выйдут замуж. После такой операции можно.

Но не эта.

Я плохо ушил отверстие. Часть швов прорезалась – края отверстия были захвачены слишком поверхностно. Но вход в легочную артерию хорош – свободно проходит палец. Однако я не радуюсь. Наоборот. Раз осталась дырка в перегородке, то это только хуже. Легкие переполнились кровью. Отек. Смерть.

Все ясно, профессор. Корреспонденты могут и дальше писать о тебе хвалебные статьи. Молодые врачи смотрят с восхищением. А ведь ты угробил девочку, простите за грубое слово. Или «зарезал», как иногда говорят о хирургах.

Никуда не денешься. Остается бросить скальпель на стол и по крайней мере сказать всем, что я думаю о собственной операции. Все-таки немножко легче.

Нет, этого мало. Может, я уже и не буду делать таких операций. Я сыт этими девочками с бантами. По горло сыт всей этой канителью, которая называется «жизнь». Но все-таки нужно хорошо разглядеть, как можно наложить получше эти проклятые швы. Сердце-то уже не сокращается в руках. Кровью не заливают. И банты, которые были видны вчера из-за простыни, все равно уже мертвые и теперь не пугают меня.

Нужно, видимо, вот так. И пучок Гиса (нерв сердца) не зацепишь, и держать будет крепко.

Теперь можно поблагодарить прозектора, Серафиму Петровну, и идти.

– Не запачкайте девочке банты, пожалуйста.

Поднимаю с дверей крюк и сразу попадаю в сад с молодыми липками. (Крюк – это от родственников, чтобы не ворвались во время вскрытия. Всегда нужно думать о гуманности. А без вскрытий нельзя – они помогают найти ошибки.)

Зеленые липки под солнцем. Запах после ночного дождя. Какая насмешка!

Тяжелая процедура кончилась. Всегда стремишься оттолкнуть от себя неприятное. Провернуть поскорее. Вроде потом легче.

Не нужно было вчера спешить. Пусть бы машина поработала еще. Вот тут бы остановиться, пережать еще раз аорту, отсосать всю кровь из раны и хорошо посмотреть. И если нужно, заново наложить сомнительные швы. Проверить, хорошо ли лежит заплата.

Да, но уже прошло сорок минут после начала искусственного кровообращения. Машина разрушает эритроциты (красные кровяные тельца). С каждой минутой в тканях накапливаются вредные продукты обмена. Сердце потом плохо работает. И очень часто в результате все равно смерть. На вскрытии видишь прекрасные заплаты, но что толку!

И потом это личико, что выглядывало из-под простыни... Этот страх, что медленно заполняет меня всего и растет, растет с каждой минутой. Не проснется! Сердце не пойдет! А мать и отец там ходят перед домом взад и вперед, взад и вперед. Я видел их из окна, когда мылся. Кончать! Кажется, ничего.

И все-таки вот тут нужно было остановиться. Проверить. Переложить швы.

Что теперь болтать!

Я иду в экспериментальную лабораторию. В программе дня есть еще маленькое «окно» до операции. Тем более что нет никакого желания оперировать.

Лаборатория – это моя любовь. Последняя любовь. Многим я увлекался в жизни: поэзией, женщинами, хирургией, автомобилем, внучкой. Сейчас, когда жизнь идет к концу, хочется одного: понять, что такое человек, человечество. И что нужно делать мне, другим людям – молодым, старым – в наш век, когда все так бешено рвется вперед.

Впрочем, лаборатория имеет более скромные цели. Надо добиться, чтобы реже умирали больные. Пока это.

Директор института построил нам небольшой домик и выделил штаты. Можно начинать работу. Уже есть мастерская, несколько инженеров и техников, физиологи и лаборанты. Это еще не коллектив, но я надеюсь на их молодость.

Сейчас меня больше всего занимает машина – аппарат искусственного кровообращения, АИК. Нужно сделать так, чтобы оперировать не торопясь, чтобы аппарат не разрушал кровь. Когда повреждаются эритроциты, гемоглобин входит в плазму и окрашивает ее в красный цвет. И, как это ни странно, становится ядовитым для сердца, для почек. Это и есть проблема номер один – гемолиз (разрушение эритроцитов).

Петя, Миша и Олег создали нашу машину два года назад одними из первых в Советском Союзе. Петя и Миша – это парни с завода, энтузиасты. Они были слесарями, теперь уже стали инженерами. Олег – врач. Пока делали опыты, а потом простые операции, машина нам очень нравилась. Казалась лучшей в мире, потому что для заполнения ее нужно всего семьсот пятьдесят кубических сантиметров крови, а за границей для подобной машины – три-четыре литра. Мы бессовестно хвастались этим.

Скоро разочаровались. Гемолиз! Из-за него нельзя выключить сердце более чем на тридцать-сорок минут. Теперь при сложных операциях нам этого мало. И я требую от физиологов, инженеров и механиков, чтобы они нашли причину гемолиза и устранили ее, но чтобы остался малый объем крови. Все бьются над этим – и пока безуспешно.

В лабораторию поступил новый инженер – Володя Томасов. Есть на него надежды. Парень перешел из института автоматики на низшую должность – в медицину. Можно сказать, шагнул в неизвестное. Очень нравятся мне такие мальчики: подтянутые, острые, независимые.

Вот мы сидим с ним в лаборатории искусственного кровообращения.

– Владимир Иванович, я хочу знать результаты вашей первой разведки в проблему гемолиза.

– Вы очень спешите, Михаил Иванович. Я еще ничего не могу вам сказать определенного.

– У нас нет времени. Скажите, что можете.

– Я думаю, гемолиз происходит из-за того, что в трубках насоса и всех соединительных шлангах возникает турбулентность (завихрения в потоке жидкости при больших скоростях). Мы должны исследовать условия движения жидкости в машине.

Кроме того, возможно, что эритроциты растираются в трубке насоса самими роликами. Нужно, чтобы между стенками оставалась прослойка крови.

– Есть американские работы (я их сам читал), которые доказывают, что полное или неполное пережатие трубки не отражается на гемолизе.

– Ну и что? Мало ли каких работ нет! Я думаю, что это нужно проверить. И потом, знаете, вся постановка опытов в нашей лаборатории никуда не годна! Измерения не точные, постоянство условий не соблюдается, лаборанты с измерительной аппаратурой работать не умеют!

– Да?

– Да! И если вы хотите поставить дело серьезно, то сначала дайте мне навести порядок в методике опытов. Чтобы можно было верить цифрам.

Это заявление меня удивило. Физиологи ставят опыты, биохимики определяют гемолиз и делают всякие другие анализы. До сих пор все было правильно, а ему не нравится.

Я думаю. Политику тоже приходится соблюдать. Заведующий лабораторией Виктор Петрович, хотя тоже молодой, но кандидат наук. Девушки – Алла, Надя, Мила, Света – работают у нас уже несколько лет, вынесли на себе всю тяжесть экспериментальной проверки первой модели машины, они же обслуживают ее при операциях. Все люди надежные. А теперь возьми и скажи им: «Идите к черту, вот новый инженер будет вами командовать и учить, как ставить опыты и делать анализы».

И вдруг я слышу крик:

– А-а-а!!!

Что такое? Взглянул в окно. У морга машина с гробиком и венками. Женщина упала на гроб. Мать!

– А-а-а!..

Небо потемнело. Все замерло. Даже деревья как будто склонились.

В груди что-то оборвалось.

К черту все аппараты, к черту проблему гемолиза! Не могу больше этого переносить!

Я должен скорее уйти. Бежать от этого места. Спрятаться к себе в кабинет. Закрывать окна.

– Мне нужно идти, Володя. Передайте Виктору Петровичу, что я прошу его еще раз уточнить методику экспериментов. Если он будет сомневаться, пусть зайдет ко мне в клинику.

Прохожу через две комнаты лаборатории. Все сидят нахохлившись и стесняются на меня смотреть. И правильно.

Иду через сад, стараясь не бежать. От морга слышатся новые крики. Просто удивительно, как слышно. Больные уходят из сада в палаты. Им тоже стыдно на меня смотреть. Как им после этого решаться на операцию?

У крыльца стоят и сидят матери ребятишек, которые лежат в клинике. Они тоже слышат. И, наверное, даже знают, кто кричит. Они все друг друга знают, товарищи по несчастью. Я прохожу мимо них как сквозь строй. В душе кричу: «Заберите своих ребят, разве вы не видите, что я не могу!»

Добрался до кабинета. Но и здесь слышу эту несчастную. Нужно сесть и спокойно подумать. Если можно, спокойно...

Нет, нельзя. Стук в дверь – и сразу вбегает женщина. Глаза у нее безумные.

– Михаил Иванович! Посоветуйте, что же делать? Я боюсь операции! Второй раз! Ведь она не перенесет...

Опять. Что я, Бог? Очень может быть – не перенесет. Что я тебе скажу?

Я знаю эту женщину. Она еще молода и, наверное, даже красива. Сейчас она страшная. Муж ее – пожилой человек с застенчивым мягким лицом. Одна дочь, Майя, двенадцати лет, высокая, нескладная, приятная девочка. Три месяца назад моя помощница, Мария Васильевна, перевязала ей боталлов проток (врожденный порок сердца, при котором остается сообщение между легочной артерией и аортой, существующее у плода). Это самая простая из всех операций при врожденных пороках. У нас в клинике сделано их более ста и погиб только один больной. Мне много раз звонили разные знакомые и просили, чтобы я не поручал эту операцию молодым врачам. Такие просьбы раздражают. Кого-то должны оперировать молодые!

Операция прошла нормально. Проток был прошит с помощью специального аппарата скрепками из тонкой танталовой проволоки.

Родители были рады. Впрочем, это не то слово. Но я не хочу искать других.

Однако в первые же дни начались неприятности, которым я не придавал значения. Много было других, более тяжелых больных.

Сначала думали – ателектаз доли легкого. Это когда доля затемняется вследствие закупорки бронха мокротой и рассасывания воздуха из альвеол. Мокроту отсосали через введенную в дыхательные пути трубочку. Затемнение не исчезло. Образовалась гнойная полость в легком – абсцесс. Сделали прокол и отсосали гной. Состояние Майи не внушало опасений.

Пункции повторяли, давали разные лекарства и недели через три полость исчезла. Затемнение почти рассосалось и девочку отпустили домой.

Но на другой же день прибежала мать со страшными глазами: у дочки кровохарканье. Посмотрели на рентгене – все так же. Анализ крови хорошие. Никаких жалоб. Успокоили: ничего, после абсцессов легких бывает – изредка разорвется мелкий сосуд в бронхе. Пройдет.

Не прошло.

Три дня назад девочку привезли в клинику. У нее появились сильнейшие легочные кровотечения. За последнюю ночь это повторилось дважды. Процент гемоглобина упал до пятидесяти. Я сам смотрел ее на рентгене: видно довольно большое затемнение в пределах верхушки левого легкого, сливающееся с тенью сердца и аорты. Нам кажется, что кровит из легкого. Возможно, абсцесс не зажил и воспалительным процессом разрушена стенка какой-то крупной артерии. Может быть, даже аорты? Судя по темпам учащения и усиления кровотечений, это непременно и очень скоро приведет девочку к гибели. Выход только один – оперировать, и чем скорее – тем лучше.

Операция была предложена еще позавчера. Родители не согласились. И вчера – тоже.

Отец, я знаю, сидит под окном палаты. А мать вот сейчас здесь.

Мне трудно на нее смотреть.

– Вашей Маечке нужна операция. Иначе она наверняка погибнет в ближайшие дни. Нужно соглашаться. Опасно? Да, опасно. А без операции безнадежно.

Рыдает.

– Ах, за что на нас такое несчастье?! Ну почему вы не оперировали ее сами?!

– Было бы то же самое. Операция сделана правильно. Мы не можем предвидеть и предупредить все послеоперационные осложнения.

Казенные, сухие слова. И лицо у меня угрюмое и сухое. Мне хочется утешить ее, вытереть слезы. Или поплакать вместе с ней. Но позволить себе этого я не могу. Мне очень плохо.

– Михаил Иванович! Спасите мою дочь, спасите Маечку! Только вам мы верим... Ваши золотые руки... Умоляю вас...

Меня не нужно упрашивать. Я и так собирался оперировать сам. Обещаю ей. Благодарит. Наконец, идет, сгорбившись и волоча ноги. У двери останавливается, оборачивается, смотрит.

– Извините меня... Пожалуйста... сделайте хорошо...

«Пожалуйста». Боже мой! Ну что же мне делать? Операция будет очень опасна. Майя может умереть на столе... И что я тогда скажу матери? И ведь я обязательно буду виноват. Не бывает, чтобы врач где-то, в чем-то не сделал хотя бы маленькой ошибки, однако достаточной, чтобы умереть тяжелобольному. Буду разводить потом руками. Жалкий лепет оправдательных слов, произнесенных с серьезным, уверенным видом.

Может быть, хватит? Я сыт этими операциями по горло. Да, но что же делать? Пусть оперирует Мария Васильевна? Она хороший хирург и типичные случаи оперирует, пожалуй, лучше меня. Но тут будет все сложно и запутано. И потом, если девочка умрет у меня – это одно, а у нее – другое. Для матери другое. Она всегда будет думать: «Вот, если бы делал сам профессор, Маечка, возможно, была бы жива...»

Кроме того, ты заведешь клинику, дорогой. Ты обязан делать все самое опасное. Пока не почувствуешь, что помощники делают лучше тебя.

Нет выхода.

А может, совсем не оперировать? Ну, умрет. От болезни умрет, не от меня. Стоит только выразить маленькое сомнение, как родители сразу же откажутся. Все будет в порядке. Сами отказались!

Но им будет потом плохо. Им все равно будет плохо. Отказались – умерла: «Ах, зачем отказались?» Согласились – умерла: «Не нужно было соглашаться... может быть, прошло бы...»

Я-то знаю, что не пройдет. Спасти может только операция. Какой риск? Думаю, процентов пятьдесят. Опять проценты... Некуда деться. Нужно сказать, чтобы брали девочку в операционную.

А я пока зайду в палаты. На третий этаж – там лежат хорошие ребяташки. Они уже вне опасности, и я им совсем не нужен. Но они мне нужны. Сейчас, перед тем как идти на эту операцию.

Длинный коридор. Не очень широкий, не очень светлый. Несколько сестринских столиков у стен. Посредине – проем, с окнами и балконом, там у нас столовая. Сейчас здесь играют дети. Одни уже прооперированы и скоро пойдут домой, другие еще обследуются.

Обычные с виду дети. Вот двое мальчиков возятся с автомобилем. Машина старая, без колес, выдавшая много мальчишеских рук. В другом углу идет игра в больницу. Я остановился у сестринского столика, будто по делу. Три девочки сидят на полу. У них куклы. Разговор:

– Тебе нужно сделать зондирование. Это совсем не больно, ты не бойся, не плачь. Когда будут делать первый укол, зажми глаза крепко-крепко и повторяй: «Не больно, не больно...» И все! Маша, давай зонд.

Маше пять лет. Она еще «необразованная», не знает, что такое зонд. Надя возмущается:

– Какой же ты доктор! Даже санитарка это знает. Будешь держать больной ноги и смотреть. Соня, включай рентген!

Возятся с куклой! Удивительно, как дети умеют фантазировать! С несколькими тряпками и щепками они могут разыгрывать целые пьесы. С возрастом эта способность теряется.

Подходит семилетний Миша. Как мне рассказывали, он изображает... меня. Миша – опытный человек, прошел всякие исследования, операцию с выключением сердца, многочисленные послеоперационные осложнения. Теперь уже ходит, только еще немного кривобокий. Он грубоват.

– Надька, ты неправильно делаешь! Когда зондируют, всегда темно. Нужно залезть под кровать. Давайте вашу девку, я сам буду...

– Не трожь! Мы сами! Иди делай свои операции! Манечке и Вере ты уже разрезал кукол, теперь они умерли. Маня все еще плачет, у нее нет куклы... Иди, иди!

Надя палит, как из пулемета. Миша хотел было вцепиться ей в волосы, уже занес руку, но вовремя одумался – ему еще больно.

Пусть дерутся. Очень приятно, когда ребята начинают баловаться после операции. Правда, потом приходится останавливать. Есть такие, что все вверх дном переворачивают.

А вот этот мальчик не играет. Он сидит на корточках у стены и только смотрит грустными глазами на других детей. Он синий, у него тетрада Фалло. Будет сложная и рискованная операция. Не стану его разглядывать. Нельзя сходить с детьми до операции, лучше держаться подальше. На обходе по понедельникам я только смотрю им на грудь, слушаю сердце. А в лицо стараюсь не вглядываться. Вот после операции – другое дело. Тогда их можно любить безопасно.

Иду дальше. Конец коридора с несколькими палатами отгорожен стеклянной перегородкой. Это послеоперационный пост.

Здесь царствует Мария Дмитриевна. Она только сестра, но на ней держится весь этот уголок. Ей лет тридцать, она тоща, строга, сдержанна, даже резка. Никакого сюсюканья с детьми и очень много любви.

Тут трудно работать. В двух палатах лежат шесть-восемь детей первые дни после операции. Как только их состояние улучшается, их переводят в общие палаты. Поэтому здесь не бывает легких больных. Работают две сестры и няня. За день они делают массу сложных процедур: инъекций, переливаний крови. Кроме того, банки, клизмы, промывания желудка, поворачивания, протирания, порошки, кормление, перевозка на рентген и в перевязочную. И это же дети. Они плачут, их нужно уговаривать.

Сегодня здесь относительно тихо. Я обхожу всех больных, здороваюсь, разговариваю. И конечно, смотрю температурные листы, анализы, назначения. Мне приятен этот обход. Все ребята в порядке.

Где-то в подсознании все время мысли об операции, о Маечке. И страх. Я гоню их. Еще будет время.

А пока – вот эти дети.

Володе четыре года. Когда я подхожу, он делает вид, что спит. Глаза закрыты, но веки тихонько вздрагивают. Он всегда притворяется спящим, когда подходят врачи. Усвоил защитную реакцию – когда ребенок спит, его стараются не тревожить. Он надеется таким образом избежать уколов.

– Володенька, открой глазки, ведь ты не спишь! Никакого ответа.

– Ну, открой же. Уколов сейчас не будет. Я думаю все уколы отменить.

Веки осторожно приподнимаются. Видит – все мирно, в руках нет даже трубки. И Марии Дмитриевны рядом нет. Совсем проснулся. Улыбается, протягивает руку, чтобы поздороваться.

– Ты отменишь уколы, правда?

– Отменю, только, наверное, завтра.

Недоволен.

Все дети приятны. Чувства к ним имеют чисто биологическую природу. Когда берешь на руки ребенка, то испытываешь ощущение, которое нельзя определить словами. Почему-то до сих пор не придуманы слова.

Но особенно дороги те дети, которые выстраданы. И не только для родителей, но и для хирургов. Они становятся родными – в них вложена часть твоей души.

Этот Володя оперирован четыре дня назад с искусственным кровообращением. У него было отверстие в межжелудочковой перегородке с довольно большими вторичными изменениями в легких.

Вскрыли грудную полость, рассекли перикард (сердечная сумка). Уже в это время сердце стало давать перебои – аритмия. Начали спешить. Подготовка к подключению машины была еще не закончена, как возникла фибрилляция – беспорядочное подергивание сердца вместо сокращений. Душа ушла в пятки. Такой мальчик! Массаж сердца. Не помогает. Тогда в страшной спешке была всунута трубка в правое предсердие и металлическая трубочка в бедренную артерию. Машина готова. Пускайте! Стало легче. Можно вздохнуть.

Сама операция не была особенно трудной. Отверстие в перегородке было зашито без заплат. Зашили стенку желудочка. Остановили машину. Сердце заработало хорошо. Но все время мучил вопрос: не погиб ли мозг? В суматохе никто не мог сказать, сколько времени прошло от момента прекращения массажа до пуска машины. Если больше пяти минут – мозг погиб. Зрачки расширены – плохой признак... Правда, они скоро сузились. Операция была закончена в полном молчании.

Дмитрий Алексеевич, анестезиолог (врач-специалист по обезболиванию), и его помощница-сестра вводили разные лечебные средства, чтобы привести к норме все показатели крови. Это удалось. Но мальчик не просыпался. Три часа мы все сидели над ним. Сердце работает хорошо. Больной наш дышит, губы розовые. Но не просыпается. Уже теряли надежду. Я пошел покурить. Хоть немного прийти в себя. И вдруг в кабинет буквально врывается Люба, анестезиологическая сестра.

– Михаил Иванович! Открыл глаза!

Я бегом спускаюсь в посленаркозную. Да, действительно – глядит! Правда, взгляд еще бессмысленный и глазки сонные.

– Володя, Володя, милый мой!

Поворачивает голову. Ух! Можно идти. Там, внизу, наверное, мать совсем извелась. Все хорошо, пока хорошо. Слава Богу, проснулся!

Теперь мать сидит около Володи. Она уже совсем спокойна. Операция прошла хорошо, ее сын улыбается, ест, спит, кажется, что все страхи уже позади. Она счастлива. У нее светятся глаза.

Бедные матери, как часто бывает обманчиво это благополучие в первые дни после операции! Где-то в глубине маленького тельца, может быть, медленно накапливаются вражеские силы, чтобы обрушиться на него в одну из ночей. За несколько часов, иногда минут, все может пойти прахом. Может быть, он плохо откашливает мокроту и где-то в глубине легкого зреет очаг пневмонии. Или на поверхности вшитой в сердце заплаты медленно растет тромб, чтобы в какой-то момент оторваться и закупорить важную артерию мозга. Много послеоперационных опасностей подстерегает маленьких пациентов. Для того чтобы их заметить, Мария Дмитриевна каждый час меряет кровяное давление и берет кровь на анализы. Для этого же врач Нина Николаевна по нескольку раз в день слушает им легкие и почти ежедневно – смотрит на рентгене.

– Михаил Иванович! Все уже хорошо? Опасности нет? Как я вам благодарна!

– Опасность еще есть, но она уменьшается с каждым днем. А благодарить будете потом, когда повезете Володю домой.

Вот другой мальчуган, тоже Вова. Операция была вчера. Он еще тяжел. Лежит вялый, глаза полузакрыты, в углу рта ржавая полоска – видимо, недавно его рвало. В вену руки ему непрерывно каплями переливают то физиологический раствор, то плазму, то кровь. К носу подведены две трубочки, по которым идет кислород. Моча вытекает через катетер. С руки не снимают манжетку тонометра для измерения кровяного давления. Через каждые три часа ему делают какие-нибудь инъекции. Мать его смотрит на все это с ужасом. Каждый укол с болью отзывается в ее теле и она невольно протягивает руки, чтобы схватить сестру. Все время у нее льются слезы. Она так парализована страхом и необычной обстановкой, что пользы от нее мало. Больше вреда. Мария Дмитриевна просит, чтобы ее отправили из палаты.

Но сегодня я не могу этого сделать. Образы Маечки и ее матери стоят передо мной. Пусть эта мама смотрит на своего Вову. Я думаю, что завтра-послезавтра она сможет успокоиться. У мальчика ничего страшного нет и, я надеюсь, не будет. За это говорят все почасовые записи в листке, все анализы. И операция ему была сделана радикально (радикальные операции – полностью исправляющие недостаток; паллиативные – приносящие облегчение больному, улучшающие функцию органа). Все будет хорошо!

Пойду еще посмотрю Леночку. Она лежит в другой палате, вместе с двумя женщинами. Лена прожила семь лет от рождения и семь дней после операции. Может быть, это было вторым рождением, потому что смерть уже стояла за ее спиной. Не хочется вспоминать об этой тяжелой борьбе: были кошмарные осложнения. Ужас и отчаяние охватывали меня несколько раз, и я грубо, непозволительно ругал своих помощников, хотя они были совсем не виноваты или виноваты чуть-чуть. Сейчас все позади. Почти все. Едва ли что-нибудь может стрястись, если на восьмой день все, просто все, хорошо.

Я присаживаюсь к ней на кровать. Мне хочется потрогать эту девочку, приласкать ее, услышать ее голос.

– Ну как живешь, Леночка? Как спала?

Она поднимает свои огромные ресницы, под ними открываются большие голубые-голубые глаза.

– Хо-ро-шо... – тянет она и улыбается даже немного кокетливо. Ах ты моя прелесть! – Мне уже сегодня ничего-ничего не колют, и я переезжаю в шестую палату. Вот только папа должен уехать...

Она хорошо вымыта и тщательно причесана. Две тугие косички торчат в стороны. В них белые капроновые банты.

(Кто заплетает сейчас косички той девочке, перед тем как положить в гроб? Мать, видимо, не в силах это сделать... Ладно. Довольно.)

Лене это сделали, наверное, девушки из лаборатории. У нас есть молодые лаборантки, и они приходят иногда ухаживать за своими любимцами. Потому что папа едва ли смог бы заплести так хорошо, а сестрам в пору заботиться о здоровье своих подопечных, а не о красоте.

Папа у Лены – техник. Дома маленький ребенок, и мать смогла приехать только на два дня. Впрочем, наши сестры уважают пап. Говорят, что они толковее и меньше поддаются панике. Вот этот папа починил плитки, ингалятор, отсос. Помогает во всякой работе.

Это трудная проблема – мамы и папы. К взрослым в послеоперационные палаты никого не пускают, чтобы «не заносили инфекцию», как мы, медики, говорим. А около детей сидят родители, хотя инфекция здесь еще страшнее. Это – уступка жалости. Нельзя, ну просто невозможно отказать матери или отцу, когда их ребенок находится между жизнью и смертью. Некоторые, правда, помогают сестрам и няням: поднять, переложить, покормить. Персоналу работы хватает, и лишние руки всегда полезны. Но большей частью родители мешают. Ухаживать за больным нужно уметь. И нужны, кроме того, крепкие нервы. Или по крайней мере привычка. Попадают истеричные и просто плохие люди. Им все кажется, что сестры и врачи недобросовестны, ленивы, жестоки. Чуть ли не одержимы желанием уморить их детей. Таких приходится выгонять, не обращая внимания на угрозы жаловаться. Впрочем, жалуются исключительно редко. Наверно, потом каждый все спокойно обдумает и устыдится. Слишком уж очевидна самоотверженная работа.

Есть еще и нахалы. Они проникают к больным всеми средствами: проходят черным ходом, приносят свои халаты. Подозреваем, что одна старая нянька в пропускнике берет за это взятки.

Довольно заниматься пустяками. Нужно идти делать главное дело. Леночка и Володя совсем хорошие. Вовка тоже будет жить. Так что все-таки есть уже какое-то оправдание перед Богом или кто бы там ни был, или перед собой – это все равно.

Иду в операционную. Больше никаких оттяжек. Все внутри напряглось. Чувства сжались в комочек и спрятались где-то в уголках моего «я». Ясность. Черное и белое.

Переодевание. Очки. Маска. У входа в предоперационную вижу всякие мелкие беспорядки, но сейчас нужно молчать. Нельзя растрачивать спокойствие. Для этого еще будет достаточно поводов.

Девочка уже в операционной. Уже введена трубка в трахею, подключен наркозный аппарат. Она спит. Ассистенты Мария Васильевна, Петр Александрович и Володя одеты и обкладывают операционное поле стерильными простынями.

Они сейчас будут начинать. Операционная сестра Марина – строгая, красивая, тонкая – стоит, положив руки на столик. У нее все готово. И там, внутри, тоже.

В предоперационной мою руки. Без слов и почти без мыслей. Где-то в подсознании все уже обдумано вчера, сегодня утром, вот только что, пока был в палате. Одна щетка, другая.

Вхожу в операционную. Молча подается салфетка, потом спирт. Надевается халат.

– Поправьте свет. До операции никогда не поставите лампу как полагается!

Стоп. Нельзя заводитьсь. Все равно в следующий раз опять не поставят. Черт с ними!

Больная лежит на правом боку. Рубец от первой операции уже иссечен, и сейчас накладываются зажимы на мелкие кровоточащие сосуды. Движения у Марии Васильевны четки и точны. Она – само спокойствие и деловитость. Но это обман – она сильно нервничает, и когда оперирует одна, то часто ворчит. Все это замечается и думается каким-то краешком мозга. Марина подает инструменты в руку хирурга с легким щелчком, без слов угадывая, что нужно. Она очень опытна и давно работает со мной. Отличная сестра. Нет – помощница.

Перчатки. Спирт. Становлюсь на свое место. Рассекаю межреберные мышцы и попадаю в плевральную полость. Она заращена спайками. Легкое срослось с грудной стенкой, это естественно после операции. Спайки трудные: пальцем не разделяются, приходится рассекать скальпелем или ножницами. Кровоточит, нужно коагулировать, или попросту – прижигать электрическим током от аппарата диатермии. Легкий дымок и запах жженого.

Все делается почти автоматически. Видишь операционное поле, легкое, в голове есть план с разными вариантами, и он выполняется этап за этапом простыми, привычными движениями. Управление руками – это и есть мысли при операции. Движение, взгляд, мгновенная оценка результата, замыкание нового движения. Весь мир выключен. Можно простоять шесть часов и не почувствовать, что есть ноги. Конечно, когда трудно. Если просто – обычная работа, выполняемая стоя. Сейчас трудно. Вернее – будет трудно. Как только верхняя доля легкого отделилась от грудной стенки, сразу стало ясно, что уплотнение, похожее на опухоль, располагается в сосудах, отходящих от сердца: на дуге аорты, на легочной артерии. Легкое только припаяно к нему, и, хотя его ткань уплотнена, причина кровотечения – там, в крупных сосудах. Если на опухоль нажать, то она пульсирует под пальцами. Аневризма! Аневризма аорты! Картина болезни сразу стала ясной. После операции образовался абсцесс легкого, и воспалительный процесс разрушил измененную стенку аорты около боталлова протока. Образовалось выпячивание стенки аорты – аневризма. Недавно она прорвалась в бронх узким ходом, и через него периодически поступает кровь. Любое следующее кровотечение может оказаться последним.

Все понятно, и все очень плохо. Гораздо хуже, чем я ожидал. В аорте – отверстие. В легком – абсцесс. Полость аневризмы захватывает часть дуги аорты. Все это окружено толстым слоем спаек, прочных, как хрящ. Кроме того, воспалена легочная ткань.

Руки мои автоматически продолжают работать – разделяют сращения, все ближе подбираясь к аневризме. Но в голове одна мысль: что делать? При работе страха меньше, и я как будто еще не осознаю всей опасности положения.

Нужно остановиться. Помыть руки – это передышка для думания.

Итак, есть две возможности.

Первое – зашить и уйти. Пока еще отступление возможно.

Представляю: мать подбегает: «Все благополучно? Маечка будет жить?» Увы, нет. Погибнет, и, наверное, скоро. Нельзя ничего сделать. Вернее, сделать было можно, но очень опасно. Могла умереть на столе. А так? Молчание. Были шансы на спасение? Да, были, очень мало. Я побоялся их использовать. Зачем же вы брались оперировать? Что же нам теперь делать? Везти в Москву? Нет. Умрет в самолете.

Пауза. Взгляд.

Потом в палате проснется. Бледное личико. Глаза с надеждой. Немного спустя: кашель, кровь. Много крови. Снова взгляд. Недоумение: как же так? А разве операция?.. Нужно выйти из палаты. Профессор же не обязан сидеть сам около каждого больного. Хорошие ординаторы все сделают, что нужно. Тем более, когда делать нечего, кроме переливания крови. Знал?

Да. И побоялся, что скажут «зарезал»? Нет. Морг, похороны, взгляд матери? Да... Тогда иди ты...

Второе: попробовать. Выделить аорту выше и ниже аневризмы. Как можно ближе. И легочную артерию. И долю легкого. Потом пережать аорту зажимом и быстро удалить аневризму с долей легкого. Отверстие в аорте зашить. Но пережать аорту можно только на десять минут, и то при условии, что сосуды к голове останутся выше зажима. Если больше, то погибнет спинной мозг. Времени очень мало. Но можно заткнуть дырку в аорте пальцем, отпустить зажимы, подождать, пока мозг промоется артериальной кровью, и снова пережать сосуды. Так можно несколько раз. Есть опыт в прошлом, удачный. Но здесь спайки, воспаление. Удастся ли зашить дырку в аорте? Если нет? Тогда – все.

Снова мать. Не надо слов. Ужас в глазах. «Умерла!» Да. Я не мог. Аневризма. Спайки. Ткани изменены. Прорвались. Кровотечение... «О-о-о... умерла...»

А может, удастся? Тогда, как сегодня, войду в палату: «Ну, как живешь, девочка? Милая моя...»

Две возможности. Только две. Трудно выбрать. Поработаем еще. Можно немного оттянуть с решением. Если не удастся выделить аорту и сохранить артерии, идущие к голове, тогда само собой решится: невозможно.

Но это удалось. Почти удалось. Вскрыл полость перикарда, освободил восходящую аорту и, идя по ней вниз, добрался до важных сосудов. Сделал под аортой канал и подвел тесемку. Это было самое трудное. Выделил аорту ниже аневризмы. То же с легочной артерией. Все это очень медленно. Операция продолжается уже три часа. Я этого не замечаю. Анестезиолог молчит – значит, все хорошо. Кроме того, я вижу, как работает сердце. Полная тишина. Нужно беречь нервы для будущего. Хотя есть поводы для ворчания: Петр Александрович ассистирует не очень хорошо. Он мне редко помогает и не привык. Зато двое других – на высоте. Все время переливается кровь. Учитывается и восполняется каждая капля, потерянная на марлевых шариках или салфетках.

– Дмитрий Алексеевич, позаботьтесь, чтобы послали на станцию еще за кровью. Если я решусь, то кровопотеря будет большая, – говорю я анестезиологу.

Продолжаю работать. Очень трудно – выделять из спаек сосуды и долевого бронх. Шаги измеряются долями миллиметра. По-прежнему работают руки. Мысли редки и отрывочны. Может быть, подключить аппарат искусственного кровообращения? Тогда я безопасно пережму аорту.

К сожалению, подготовка занимает два часа. Кроме того, нет свежей крови. И самое главное – нужно снять свертываемость крови.

Операция идет очень чисто и хорошо. Начинает казаться, что я – сам Бог. Все мне доступно. Вот как чудесно разделены все сосуды! Корень доли легкого уже выделен. Это нелегко в таких спайках и рядом с аневризмой, не думайте. Все-таки я неплохой хирург. Пожалуй, один из самых лучших.

Не хвастай. Руки у тебя дрожат. Всю жизнь. И вообще ты.... Морг. Крик.

Все подготовительные шаги подходят к концу. Даже больше – я перевязал бронх. Отступить еще можно. Сейчас нужно решаться.

Но решаться не пришлось. Внезапно брызнула струя крови и залила мне лицо... Мгновение – и кровоточащее место прижато пальцем.

– Протрите мне очки!

А пока я ослеп. Но это ничего. Палец знает свое дело.

– Осушайте кровь в ране!

Стенка аневризмы прорвалась. В одном месте я немножко глубже рассек спайки. Этого следовало ожидать, и все-таки случилось неожиданно.

Зачем я не остановился?!

Теперь поздно говорить. Но пока еще все тихо. Сердце работает хорошо. Все хорошо!

Нет. Теперь уже нет. Стоит мне отпустить палец – и за несколько секунд плевральная полость залется кровью, кровяное давление упадет до нуля, а сердце будет сокращаться тихо-тихо. Нужно держать. Как мальчик, который спас Голландию, заткнув пальцем дырку в плотине. К нему пришли на помощь. Ко мне никто не придет.

– Переливайте кровь, как можно скорее! Начинайте в артерию!

Я набираю воздух в легкие, как будто перед прыжком в воду. Как будто вдыхаю в последний раз...

– Петя, пережимай аорту! Марья, зажимай легочную артерию!

Отнимаю палец от дырки. Струя крови ударила и быстро ослабла – нет притока.

– Отсос! Черт бы вас побрал, не сосет! Давай другой, быстрее!

В моем распоряжении десять минут. Это так мало. Я разрываю отверстие в стенке аневризмы. Быстро вычерпываю из ее полости старые сгустки крови. Нужно удалить долю легкого, чтобы открыть доступ к аорте. Это не удастся – оказывается, еще много неразделенных спаек.

– Давайте мощные ножницы! Пошевеливайся, корова!

На долю мгновения мысль: не надо ругаться. А, какая теперь разница! Доля легкого грубо отсечена, наполовину оторвана.

Ужас.

В стенке аорты зияет отверстие около сантиметра. Края неровные, кругом измененные воспалением ткани. Не зашить! Нет, не зашить... – Ах, что я наделал, что я наделал!.. Дурак!

Это о себе. Я ничтожество. Пусть все знают. Мне все равно. Хочу одного – вот тут же сдохнуть. Сейчас. Пока еще бьется то сердце.

Нужно что-то сделать. Пытаться. А вдруг швы удержат? Боже! Яви чудо!

– Марина, давай швы. Крепкие, проверяй, чтобы не порвались!

Скорее шью, стараясь захватить края пошире. При попытке завязать ткани прорезаются. Так и знал!

– Давай еще. Еще!

В бесплодных попытках прошло минут пять. Из каких-то сосудов в аневризму все время подтекает кровь. Пришлось сильнее подтянуть легочную артерию.

– Михаил Иванович, давление падает.

– Переливайте быстрее кровь! Обнажите артерию на другой ноге. Да побыстрее, не копайтесь, растяпы!

– Пульса нет!

Боже мой! Боже мой! Что же делать? Вижу, чувствую руками, как слабеют сердечные сокращения. Нужно снимать зажим с аорты.

– Петя, Марья, Володька! Я закрою дырку в аорте пальцем, а вы отпустите все зажимы. Ну, все вместе!

Отпустили. Давление в аорте слабое, но кровь все-таки где-то пробивает. Сердце совсем останавливается.

– Переливайте, переливайте скорее! Отсасывайте! Готовьте адреналин, два кубика!

Нет, нужно снова зажать аорту. Кровь заливает все поле. И массировать сердце. Бесплезно, конечно, бесполезно, но оно же еще бьется... А вдруг?! Брось, чудес не бывает. Бога нет.

– Петя, зажимай снова аорту. Марья, разрежь перикард шире для массажа. Да ты же вынул зажим, оказывается? Ах ты сволочь, где были твои глаза?! Оболтус! Ведь теперь мне его не провести. Ну как можно работать с такими...

Эпитеты, разные обидные слова. Я кричу, потому что в отчаянии. Петя виноват, конечно, что вынул зажим, и я теперь не могу его провести под сосуды одной рукой. Но разве это меняет дело? Я отнял палец от аорты, и из отверстия редкими и слабыми толчками выбрасывается струя крови. Как из бочки, когда вода уже на дне...

Я чуть не плачу... Я не хочу жить в этом ужасном мире, в котором вот так умирают девочки...

Массирую сердце. При каждом сжатии желудочков из аорты выбрасывается немного крови. Зажим под нее я так и не могу подвести. За это я еще продолжаю ругать Петю. Ругаю Марию Васильевну за то, что она плохо сделала первую операцию, хотя у меня нет никаких доказательств.

Адреналин. Массаж. Новые порции крови. Все тянется мучительно долго. Сердце дает редкие слабые сокращения, как будто засыпает. Но нужно что-то делать, делать!

– Михаил Иванович, зрачки широкие уже десять минут.

Я очнулся. Довольно. Нужно когда-то остановиться.

Признать, что смерть совершилась. Хотя сердце еще изредка вздрагивает.

– Ну, все. Кончаем. Не нужно больше переливать кровь. Она пригодится другим... Сразу охватывает безразличие и апатия.

– Зашейте рану...

Иду в предоперационную, к креслу... Нет, нужно переодеться, я весь в крови. Сажусь.

Голова пуста. Руки бессильны. Мне все равно...

Но еще не все. Есть мать и отец. Конечно, они чувствуют там, внизу, что не все хорошо. От начала операции прошло пять часов. Но они еще надеются. Надежда тает и тает, и сейчас ее нужно порвать, как ниточку, которая связывает их с жизнью, с будущим. Ждать больше нельзя. Бесполезно. Рана зашита, кровь убрана. Майя накрыта простыней. Не Майя – труп. Не могу произнести этого слова...

В предоперационной собралось несколько врачей. Кому-то из нас нужно идти сказать. Собственно, сказать должен я. Но я молчу. Не могу. Я тяну и надеюсь, что кто-нибудь выручит меня. Наконец Петр Александрович говорит Володе:

– Пойди скажи матери.

Володя не смеет послушаться старших. У нас не принято отказываться... Он нехотя встает и идет к двери.

Поздно. Долго собирались. Дверь из коридора распахивается, и в помещение операционной врывается мать. Она, как безумная, бежит прямо к столу и бросается на труп дочери. Рыдает. Говорит нежные слова. Целует ее посиневшие губы.

– Проснись, ах, проснись, моя ненаглядная!..

Она не говорит слов, которых я жду: «Что они с тобой сделали?» Никого не обвиняет. Она еще не понимает, не хочет понять, что дочери, ее Маечки, уже нет.

Операционная почти опустела. Трудно смотреть на это. Девушки-сестры плачут.

Я подхожу к матери и стараюсь ее успокоить. Говорю какие-то ничтожные слова, которые даже противно вспоминать. С большим трудом ее удалось оторвать и увести в реанимационную (комната, в которой больные проводят несколько часов сразу после операции, пока полностью не проснутся. Потом их переводят в послеоперационные палаты) комнату. Там ей сделалось плохо. Я не видел, остался в предоперационной и снова сидел в кресле. Пришли, сказали, что лежит на полу. На полу? Почему? Да, ведь в этой комнате нет ни кровати, ни кушетки. Только круглые железные табуретки.

Потом мать и отца Маечки увезли в санитарной машине домой. Что они там будут делать – не знаю.

Мария Васильевна сидит в углу и всхлипывает, как ребенок.

Мне еще нужно написать протокол операции. «Попытки зашить дефект в стенке аорты не удалось. Кровотечение продолжалось, и сердечная деятельность медленно угасла».

«Угасла». Все дела кончены. Нужно идти домой. И день тоже угас. Темнеет. Это хорошо – меня не будут видеть.

Иду через сад, мимо больших деревьев под светлым вечерним небом. Тихо. Только вдали слышен глухой гул города. Загораются первые огоньки. Все красиво и благообразно. Поэты пишут об этом стихи. Какие стихи? Это обман! Для меня сейчас весь мир полон зла и горя. Люди за теми окнами страдают. Они мучаются болезнями. Или ненавидят. Или тоскуют. Пьют, дерутся. Считают деньги. Где-то еще дальше, за горизонтом, голодают. А там делают атомные бомбы. Готовятся обрушить на людей лавину смерти и мучений.

Нет, сейчас на меня не действуют светлое небо и запах цветов. Все мрачно. Нужно думать. Искать. Создавать гармонию с этим небом. А так им могут любоваться только слепые.

У двери дома. Слышу нежный детский голосок.

– Кто там?

Это моя внучка, Леночка. Ей четыре года. Она зовет меня папой, потому что настоящий папа ушел, когда она была совсем крошкой. Я ее очень люблю. Очень.

– Почему ты так поздно? Ты делал операцию?

Беру на руки, целую. А перед глазами – те девочки. У первой были такие же косички и капроновые банты. Только та очень худенькая.

– Делал операцию, да? Больная умерла?

Все это сказано веселым голосом. Для нее слово «умерла» еще ничего не означает.

– Да, моя милая, умерла.

Выходит жена. За много лет совместной жизни она научилась узнавать о смертях по моему лицу. Расспрашивать у нас не принято.

Все делается, как всегда. Переодевание. Домашние туфли. Обед в молчании. Если это можно назвать обедом. Не нужно внешних эффектов. Пусть идет все, как обычно. Только вот надо выпить. После такого дня это необходимо. Частенько ты стал прибегать к этому «лекарству». А что мне беречь? Теперь по программе – сон. Под этим предлогом можно скрыться в кабинет и лечь на диван. Можно поставить на стул коньяк и рюмку. Как у Ремарка или Хемингуэя. Смешно. Даже в такие моменты человек поддается внешним эффектам. А может, только я такой?

Сон сегодня не состоится. В чуть затуманенной голове непрерывно проносятся образы прошедшего дня. Крик матери над гробом. Той, первой. Вторая мать: «...Пожалуйста... сделайте хорошо...» Не сделал. Не сумел.

Двери закрыты, и в соседней комнате тоже никого нет. Можно зажать голову руками и стонать: Боже мой, Боже мой...

Убийства. Ежедневно в больницах всего мира умирают люди. Нередко по вине врачей. Особенно хирургов. Терапевтам, тем легче: лекарство не подействовало, а больной умер сам. Жаль, конечно. Не спасли. Но что сделаешь, наука еще не всесильна... Да, разумеется, вы не виноваты.

Разные бывают убийства. Бандит убивает из-за денег или просто так. Это омерзительно, и его наказывают смертью.

Ревнивец убивает, потому что страдание сводит его с ума. Его наказывают легче. Иногда даже прощают. Люди все-таки уважают любовь. Впрочем, для убийцы иногда самое худшее – остаться жить. Но он вылечивается со временем. Как правило.

Шофер убивает случайно. Он несчастный. «Это» набрасывается на него, как зверь, калечит его. Иногда на всю жизнь. А что делать? Нельзя же разрешить шоферам давить людей безнаказанно.

Есть еще войны.

И вот здесь, на самом конце – мы, хирурги. Нас никто не называет убийцами. Благородные цели. Человек в опасности, врач мужественно борется за его жизнь, ну, и иногда – проигрывает. Не сумел. Что поделаешь?

Не первый раз я лежу вот так на диване. Достаточно было смертей. Убийств? Да, и убийств. Непреднамеренных, как говорят юристы. Надо называть вещи своими именами. Я много думал и передумываю снова и снова. Тысячи сложных и сложнейших операций и... довольно много смертей. Среди них немало таких, в которых я прямо виноват. Нет, нет, это не убийства! Все во мне содрогается и протестует. Ведь я сознательно шел на риск для спасения жизни.

Как все досадно! И горько. Где я ошибся сегодня? Нужно было остановиться. Как убедился, что аневризма, – так стоп. Защить. До завтра бы продержались с переливаниями крови. Приготовили бы АИК, свежую кровь. Потом оперировать снова. Можно выключить сердце и спокойно ушить дырку в аорте, удалив долю легкого.

Э, брось. Это тоже очень трудно – прооперировать аневризму с машиной. И нужно было еще дожить до завтра. Нет, все-таки шансов было бы гораздо больше. Ошибки. Как мальчишка, делаю ошибки...

Операции бывают разные. Оперировать тяжелораненого на войне. Смерть – так, смерть – так. То же самое, когда прорвется язва в желудке или перекрутятся кишки. Ошибки? Да, бывают ошибки, но деться некуда. Оперировать нужно быстрее.

Совсем другое дело – вчерашняя операция. Девочка пришла на своих ногах и прожила бы еще года три-четыре. А теперь она лежит дома на столе, в переднем углу.

Выпьем.

Так отчего же умирают больные?

Все сделано правильно, а человек умирает. Не рассчитали. Во-первых, может быть, не сумели рассчитать. Врач оказался неумен. Во-вторых, потому что самого расчета нет. Наука плоха.

Сделано неправильно: где-то не так разрезал или было очень трудно из-за характера самой болезни – ткани сильно изменены. Хороший мастер сделал бы, а похуже – не сумел. Смерть. Для десяти сделаешь, а на одиннадцатом промахнешься. И опять смерть. Хирург – это не только врач. Это мастер. Как ювелир или слесарь-инструментальщик. Бывают мастера хорошие и плохие. Плохие пусть лучше не берутся.

Чтобы уметь рассчитать, нужно быть умным и знать свою науку. Нужно учиться и учиться.

И все равно этого мало. Мой знакомый математик вообще не признает медицину наукой. Нет расчета – нет науки. Говорит, что нужны вычислительные машины. Может быть. Не знаю. Еще не вник. Но мозг человека явно не совершенен, если часто путает и забывает.

Чтобы хорошо оперировать, нужны не только рукодельные способности, но и опыт. Нужно много оперировать. И еще нужен характер. Как все здорово раскладывается по полочкам!

Значит, куда ни денешься, а смерти будут? Нельзя ждать, пока медицина сделается точной. Пройдут десятилетия, много больных перемрет, не дождется. Человек не может не ошибаться при расчетах в любом деле. Но за наши ошибки платят жизнями. Чтобы научиться мастерить, нужна практика. Испорченные вещи. Наши вещи – люди.

Ужасно. И нельзя изменить.

Так что расстраиваться не надо. Все правильно. Нужны только честные намерения. И чтобы деньги не брать. Тогда приди с работы, выпей и ложись спать. Для профессии хирурга слабонервные люди не годятся.

Леночка пришла ко мне проститься перед сном. После ванны она такая чистенькая, ясная. Вся светится весельем и задором.

– Спокойной ночи, папочка. Ты пьешь коньячок? Проводи меня до кровати!

– Спокойной ночи, моя милая. Иди одна, я полежу – устал.

Она поцеловала меня и убежала, путаясь в длинной рубашонке и что-то щебеча.

Наверное, я не гожусь в хирургии. К черту такую профессию, от которой умирают!

Говорят, что есть законные проценты смертности после операций. Мировая статистика неудач и ошибок. У нас? Приблизительно на уровне. Иногда – хуже, иногда – лучше. Но за цифрами не видно умирающих. Их фотографии в журналах не печатают.

Серьезные такие глаза были у той девочки.

А Майя была веселая, жизнерадостная.

Были. Была.

Выпьем еще рюмку.

Чертовски горькая штука. Нет, не сопьюсь.

Не все же умирают. Разве те ребята в палате не хороши? Каждый понедельник много их приходит на проверку. Выросшие, веселые, красивые. Смотришь на них – и тают в груди озлобление и горечь. И опять берешься...

Тридцать лет я занимаюсь хирургией. Очень давно. Пришел такой сияющий юнец. Мечты: пересадка органов, омоложение. Нож – вершина медицины. Терапевты – низшая раса. «Вот я – сделаю!» Смотрю теперь на того себя издали – немного грусти, немного презрения. Сожаление? Пожалуй, нет. В общем прожил неплохо. Никаких особенных внешних эффектов не было, все тихо, обычно, скромно. Аспирант, ассистент, доцент, профессор. Почти как все врачи, о которых пишут в романах и пьесах: ограниченные, немножко смешные педанты.

Ну нет! «Я видел небо!» Хирургия дала мне такие страсти, которых не может дать ничто другое. Я – творец. Я – исполнитель. Совесть – вот мой главный судья. А кто может наложить большую ответственность?..

Ах, это все слова! Красивые слова. А был только тяжкий труд.

Сегодня я лежу раздавленный, и мечты кажутся столь же далекими, как и вначале.

Но ты не прав. Это горе и усталость. Многое двинулось...

Помнишь, в тридцатых годах резекция желудка (иссечение части желудка при язвенной болезни или раке), удаление почки казались нам, аспирантам, вершиной хирургии. Наши светила лишь очень робко пытались сделать что-либо в грудной полости, и почти всегда – неудачно. Потом надолго бросали. А теперь у меня ординаторы оперируют митральные пороки (пороки двухстворчатого клапана, отделяющего левое предсердие от левого желудочка) сердца, и больные не умирают.

Да, конечно, это дорого стоило людям. И хирургам. Но теперь есть отдача. Идет прибыль.

Как мы тогда мало знали, мало умели... Но незаметно шел прогресс. Вот переливание крови, вот местная анестезия, разные мелочи ухода и диагностики. Смотришь – умирает все меньше и меньше. Уже думаешь – достиг! Начинаешь оперировать больных потяжелее, и тут тебя – раз! раз! Лежишь потом мордой в грязи. «И зачем я взялся? Почему не остановился тут?» А потом отойдешь – и снова что-то ищешь, копаешь. И так многие хирурги, во всем мире.

После войны перебрались в грудную полость – легкие, пищевод. Я уже был профессором. Правда, это не главное. Хирургия всех равняет – простого врача и академика: покажи, что ты можешь сделать? А степени – это дело второе.

Неправда, так думают врачи, а профессора и академики все равно себя считают выше. Они – посвященные. Многие уже забыли дрожь и лепет на защите своей жалкой диссертации и искренне считают, что «внесли вклад».

Кто это «многие»? А ты? Что, твои «Варианты диафрагмального нерва в связи...» – вклад?

Не будем мелочны. Я работал честно. Не переоценивал свои чины. Они важны – дают возможность получить хорошую клинику, создать условия для большой хирургии.

Тысяча девятьсот сорок девятый год. Первая пневмонэктомия (операция удаления легкого). Шесть с половиной часов. Больной в шоке, а я так устал, что не мог даже сидеть – лег на диван. Правда, тяжелый был случай. Поправился. Очень было приятно. Как-то он теперь, наш Сеня, Семен? Уже лет пять не является. Последний раз был хорош – сельский почтальон. «Километров двадцать в день хожу...» Приятно вспомнить. А был обречен.

Много, конечно, было таких Семенов. Иначе как вынести? Только почему-то сейчас не они приходят на память. Скоро после Семена умер Павлик с хроническим абсцессом легкого. Кровотечение от повреждения артерии. Так же вот я лежал дома.

Все-таки операции на легких потом пошли хорошо. Теперь это освоенная область. Можем оперировать почти с гарантией. Мой вклад в это дело тоже есть. Ах, не надо. Какой там вклад. Думал: разработал хорошую методику ушивания бронха, но потом оказалось, что ее изобрели до меня. Вот и весь вклад.

Нет, давай по-честному: скомпоновал всякие мелочи, получилась приличная система. Учил ей хирургов. Теперь многие делают, и хорошо. Больные выздоравливают, благодарят. А что в конце концов важно? Да, конечно, утешься: «Самое ценное – люди».

Как трудно быть самокритичным. Не будь таких дней, как сегодня, наверное, и я бы уже вообразил себя талантом, как некоторые мои коллеги профессора... Не можешь не лягнуть и не подчеркнуть, что вот какой ты честный!

Потом начались операции на сердце. Опять проходит череда лиц и дней. Вот первая пациентка: митральный стеноз (сужение отверстия митрального клапана) с тяжелой декомпенсацией (резкое ухудшение кровообращения из-за плохой работы сердца, сопровождающееся одышкой и отеками).

Культурная женщина, знала о тяжести своего состояния. Вдова. «Я должна еще пожить несколько лет – мне нужно поднять сына». Почему она не поехала в Москву? Там уже делали эти операции. Не знаю. Я ей всю жизнь буду благодарен за доверие. Наверное, у нее было счастье, раз она не умерла тогда. Краснею, как вспоминаю эту операцию. Так я был неловок, неумел. Но она жива и теперь. Сын уже взрослый. Спасибо ей.

Все-таки сердце – это самое трудное. Оно меня, наверное, и доконает. Как же – пожалей себя! Тоже мне – жертва любви к ближнему.

Сколько было удовольствия и разочарований! Результаты операции при многих пороках оказались неудовлетворительными. Нужно открывать сердце и восстанавливать его клапаны и перегородки.

Эпопея с созданием и освоением АИКа. Да, это эпопея. Со всеми человеческими страстями. Если бы писатели могли о ней рассказать! И обо мне тоже? По-честному – я приложил к этому руки. Конечно, без Олега, Петра, Марьи, Ди мы и многих других я ничего бы не сделал. В таком деле без коллектива нельзя.

Любят ли они меня, помощники?

Раньше любили, а теперь, может быть, уже и не за что. Все отдаляюсь и отдаляюсь. Сохну. А они, наверное, думают – зазнался.

Первая операция с машиной, с АИКом. Она была неудачна. Целый год потом тренировались на собаках, улучшали аппарат. Потом успех. Мальчик Коля. Тоже с тетрадой Фалло. Операция была сделана не радикально, но он выжил и получил облегчение. Это уже много. Во всем Союзе к тому времени лишь в нескольких клиниках были проведены удачные операции. Сколько было волнений, сколько гордости! Около каждого больного по несколько ночей дежурили три-четыре врача, включая старших помощников.

Хорошие результаты были только сначала. А потом смерти – одна за другой. Стали брать очень тяжелых больных. А как их не брать? Для чего же тогда операции?

Но все равно тяжело.

Вся история большой хирургии промелькнула передо мной. Я в ней участвовал и нередко бывал в самых первых рядах. Нет, не скажу, что я сделал что-то особенное. Не пионер – популяризатор. В историю не попаду.

Сейчас мне на это наплевать. А потом?

От коньяка или от горя у меня такие расслабленные мысли? Какая-то смесь сантиментов и горечи.

Выпьем еще одну рюмочку. Для прояснения мозгов.

Достаточно. Я всегда стремился к ясности. Надо внести ее во все эти бесформенные рассуждения.

Нужна людям хирургия или нет? Конечно, нужна. Не все же больные умирают. Большинство поправляются и потом наслаждаются жизнью. Пока она дает им эту возможность... Конечно, вначале жертв бывает много, но, к сожалению, без этого не обойтись. Люди всегда приносили жертвы богам, надеясь взамен получить от них блага для всех.

Какое было самочувствие у тех жрецов, что закалывали младенцев перед алтарями?
– Что же – и мы жрецы?

Не следует идеализировать хирургов. Они жертвуют только чужими жизнями, не своей. В этом отношении они не солдаты, а генералы. Но все-таки нам часто бывает скверно. И мы делаем для людей нужную, но неприятную работу. Почему же все-таки делаем? Не деньги. Хирург живет так же, как и другой врач или инженер. Тщеславие? Конечно, пока молод, тебе льстит, когда на тебя смотрят как на спасителя, прославляют. Но мне уже нет. Нет? То есть приятно, но не настолько, чтобы ради этого я стал делать рискованные операции. Что же еще? Пожалуй, ощущение борьбы. И еще – страдание, ценой которого достигается победа. И наконец – долг. Я должен. Может быть, ты лукавишь? Объяснение слишком примитивно. Психологам нужно продумать вопрос о стимулах человеческой деятельности вообще. Стимул – это острая палка, которой в Древней Греции понуждали животных. Так и нас.

Природа человека. Что такое человек? Этот вопрос ставился множество раз. Отвечали по-разному и часто противоречиво.

Человек от природы добр.

Человек более жесток, чем лютый зверь.

Или он многолик? Что такое добро и зло?

Прогресс? Будущее?

Все это философия, и хотелось бы в ней разобраться, прежде чем умереть. Неужели нельзя сделать, чтобы эти маленькие мальчики и девочки были счастливы и дальше, так же как счастливы сейчас, если здоровы, сыты и обласканы? И что такое счастье?

Опять я отвлекся.

Мне тяжело. Мне очень плохо сегодня. И было уже много раз. Я устал от всего этого. Победы не вызывают уже такой радости, как раньше. Страдания несчастных людей отравили душу и лишили ее покоя. Фу, какие затасканные фразы, противно!

Я вижу страдания людей от болезней. А сколько еще других, которых я не вижу? От унижения достоинства человека, от ушедшей или неразделенной любви, от невозможности понять друг друга?

Что же мне делать?

Умереть?

Сколько раз в такие минуты приходила эта мысль! В борьбе, которую ведут хирурги, умирают только больные. Но в тот момент, когда сердце останавливается в твоих руках и жизнь, как вода, утекает между твоими пальцами, сколько раз хотелось все отдать, чтобы ее удержать! Полжизни. Всю жизнь. Но никто не берет в обмен. И больной умирает, а я остаюсь. Проходит время, и я не соглашаюсь меняться. Раздумал. Однако от каждого такого случая остается что-то, уменьшающее желание жить.

История нашей науки знает случаи самоубийства хирургов. Коломнин, ученик Пирогова, для обезболивания ввел в прямую кишку кокаин. Все продумал и проверил, но больной умер. Доктор пошел к себе в кабинет и застрелился.

Немец Блок в конце прошлого века пытался сделать двухстороннее одновременное иссечение верхушек легкого у тяжелого туберкулезного больного. Когда он вскрыл вторую плевральную полость, больной погиб. В тот же день отравился врач. Их хоронили одновременно.

Конечно, здравомыслящие люди скажут – сумасшедший! Если так, то всем врачам или по крайней мере хирургам нужно отправиться на тот свет. Некому будет даже вырезать аппендикс.

Да, они перегнули, конечно. И рассчитывали они, наверное, плохо. Но я снимаю шапку перед их человеческими качествами.

А может быть, ты это так, антимию разводишь? Боишься, друг, умирать, вот и ищешь красивых причин. Печешься о благе человечества... Не знаю. Кажется, нет. Внучку, конечно,

сильно люблю. Дочку так не любил. Молод был, наверное. Всякие другие были увлечения. Но ведь Леночка и без меня вырастет. Жена и Лиза сумеют хорошо воспитать.

Ладно, довольно разводить сантименты. Такой благородный герой! «Не в силах перенести... счел за благо...» Так писали в старых романах. Которых, откровенно говоря, я уже не могу читать.

Пьяный я совсем. Может, еще одну? Нет. Хватит.

Есть, конечно, еще выход. Чистая наука. Как хорошо в лабораториях! Сиди, придумывай. Собачек, правда, тоже жалко, но куда меньше. Мог бы заняться физиологией. Выяснял бы, как регулируется кровяное давление. Как действует на ткани недостаток кислорода. Почему развивается шок. Много всяких интересных вопросов. Стал бы поучать врачей: «На основании наших опытов на собаках рекомендуем делать так-то и так-то...» Пусть бы они делали, врачи. Если не помогает когда – так разве я виноват? Нужно самим думать, товарищи! Нельзя слепо переносить результаты экспериментов на больных! Матери бы ко мне не приходили... Я – ученый! Что вы там понимаете в теории, практики?! Вам бы только резать...

Тоже, конечно, нужное дело. Без них, без ученых, мы бы сейчас легких не удаляли и дырки в перегородках сердца не штопали. Правда, может быть, и не думали бы, что наших Леночек завтра похоронит атомная бомба... Впрочем, это уже не ученые виноваты. А почему нет? И они тоже. Нужно соображать. Смотреть подальше своих колб и аппаратов. Не бежать очертя голову за красивыми миражами. Не обольщаться всемогуществом человеческого гения.

Кажется, я лезу не в свою сферу. Не знаю, удержался ли бы я. Миражи, говорят, очень красивы. Не знаю. Не видел.

Нет. Не годится для меня чистая наука. Я хочу сказать – медицинская. Наверное, я не прав, но – не нравится. Прекрасная вещь – физиология. И опыты на собаках необходимы. Но только когда ученый чувствует постоянно, на кого он работает. И несет ответственность перед матерями, видит, как они радуются и плачут.

Опять громкие фразы.

Вот я обошел все кругом. И вернулся к тому, с чего начал. Некуда деваться. Остается только одно – работать. Снова и снова делать операции. Учить хирургов, чтобы делали хорошо и честно.

Нет, не совсем так. Нужно еще искать. Нужна наука. Настоящая, для людей.

Ложусь спать. Официально ложусь спать. Приму еще люминал сверх коньяка.

Да, я-то вот ложусь. Спит моя внучка Леночка. Жена и Лиза тоже улягутся, как услышат, что я погасил свет. Пойду пожелаю им спокойной ночи. Пусть думают, что я «отошел». А я «не отошел». Где-то там, за сознанием, все время помнится о тех домах, тех семьях... Как они там, несчастные, легли ли? Или сидят и плачут: одни – у гроба, приготовленного к завтрашним похоронам, а другие – в пустой квартире, где еще витает, почти живет их Маечка... Что можно на это сказать? Ничего.

Ничего...

Второй день. Через два года

Дорога ведет в гору. Я иду на работу. Почти каждое утро я карабкаюсь в гору. В мыслях тоже.

Операции. С утра втугую закручивается пружина. Как буд то уже все сто раз продумано, и я рассматриваю людей, деревья, машины. В уме веду даже какие-то разговоры. Но это только так, сверху. А перед внутренним взором все время проносятся картины операции. Обрывки мыслей. «Нужно не забыть это. Пожалуй, лучше сделать так. Вот тут подождать! Спросить анестезиолога...» Даже слегка шевелю руками.

Довольно, посмотри, какая кругом прелесть. Майское утро. Цвет яблонь. Дымка молоденьких листочков. Запах весны.

Слова только губят. Впрочем, нужно иметь слова. Талант писателя заключается, видимо, в том, что он умеет рассказать о чувствах словами... Нет, наверное, кроме того, нужно уметь чувствовать. Как это просто и приятно: выдумывай, чувствуй, описывай.

Достаточно с меня чувств. Может быть, поэтому я не рассматриваю цветочки на яблонях. Брось: все много проще – ты слепец. Но, кажется, когда-то я тоже любил закаты и восходы? Давно. До войны. Для меня она уже больше не кончалась.

Утром я не думаю о больном. С утра все тормоза держат крепко. Только об операции, только о болезни, о сердце, легких. Даже о психике. Но без лица. Без глаз.

Сегодня не могу сдержаться. Особый случай: рискованная операция близкому человеку.

Очень рискованная. Черт меня дернул вести с ним эти раз говоры, залезать в душу. Нет, не так, в душу я не залезал. Только ум, только интеллект. Снова не так: душа была. Какая-то особенная, нежная и в то же время сухая, как формула.

Профессор, вы делаете успехи. Остановитесь! Это опасно. Глубже дышите, шире шагайте. Все сантименты были закончены вчера вечером, перед хорошей дозой люминала.

А он? Это очень важно – выспаться. Эмоции – страшный враг сердца. Даже здорового. Но попробуй без эмоций, когда он все знает. Другие верят, не понимают, их можно обмануть. Саша – математик, все рассчитал, все вероятности, вес случайных факторов, Я, к сожалению, не уверен в его расчетах: они слишком оптимистичны. Некоторые поправочные коэффициенты я сообщить не мог. Да и сам знаю их очень приблизительно.

Есть еще время. Можно прийти и отменить операцию. Я посмотрю на него.

Какая тягостная история! Все во мне возмущается против этих нелепостей, из которых сложена жизнь. Зачем болезни, зачем ссоры, войны? Опять я задаю глупые вопросы, как несколько лет назад. На них уже есть ответы, или, вернее, их можно получить. И снова Саша: после бесед с ним многое стало понятно. Не устаю восторгаться его головой. Если бы здоровье и немного честолюбия – что бы из него вышло! Слово «здоровье» сегодня уже не звучит. Сама его жизнь сегодня подошла к своему рубежу.

Так хочется перебрать в памяти все встречи, все беседы.

Так щемит сердце.

Нельзя! Вот прооперирую – для этого будет достаточно времени. Завод кончится, пружина распустится, поправить уже ничего будет нельзя... Тогда вспоминай сколько хочешь.

А сейчас иди быстрее. Быстрее. Хирург должен быть выносливым и тощим.

Кажется, все приготовления вчера проведены. Даже собирали специальное совещание участников, как это делали три года назад, перед первыми операциями с АИКом.

Вся клиника напряжена. Любимец. Наверное, многие думают: только бы шеф не ругался. Сегодня не из боязни оскорблений: говорят, что я стал плохо оперировать, когда ругаюсь. Логично, но раньше этого не было. Возраст.

Не буду ругаться. Не имею права.

Вот и наш дом, клиника. Красивая, на фоне тополей с бледными листочками. Такой, наверное, ее и видят проходящие мимо. А я не могу.

Там два окна послеоперационной палаты. Одно из них открыто, виден букет ранних цветов. А мне за ним представляются картины, которые, увы, я достаточно часто видел. Нет, я прогону их, не буду вспоминать. Нельзя. Поменьше чувств.

Скамейки. Уже сидят родственники больных. Они всегда тут сидят, кроме самых холодных дней. Матери наших ребят. Есть счастливые, есть несчастные. Я прохожу мимо них с непроницаемым лицом. Не могу я вот так улыбаться, когда в душе одна тревога. И вообще не люблю разговаривать с родственниками. Нет, у меня хватает и такта и терпения, но без теплоты в интонациях. Плохо, конечно. Но как-то я должен защищаться от горя, которым, кажется мне, все кругом пропитано. Это выше сил – выслушивать их переживания. Они несчастные, но здоровы. Довольно с меня больных.

Так и есть, ждет жена Саши – Раиса Сергеевна, или просто Рая. Хорошая, в общем, женщина.

Но видеть мне ее совсем не хочется. Все сказано, и добавить ничего не могу. Она не понимает тяжести состояния мужа и панически боится операции. При этих условиях другого я не стал бы оперировать. Больной, даже если он сам требует операции, может умереть, а родственники остаются. И доказать ничего нельзя. Хирург всегда оказывается виноватым.

Ладно. Сейчас не это меня беспокоит. Я не буду виноват перед ним, что согласился. Только бы не сделать ошибок в операции.

– Михаил Иванович, дорогой, будет операция?

– Здравствуйте, Раиса Сергеевна. Пожалуйста, успокойтесь. Вам еще понадобятся силы. Операция будет, если Саша не передумал.

Слезы.

– Нет, не передумал. Я уже была у него. Меня не слушает. Откажитесь вы!

– Не могу. Я очень боюсь, но как врач я не вижу другого выхода. Он не проживет и года.

– Но он пока неплохо себя чувствует. Еще недавно выходил на улицу. В газетах пишут о новых лекарствах против ревматизма, может быть, они помогут? А вдруг он останется на столе? Что тогда будет?

Да, что тогда будет? Не могу же я ответить, что она еще молода, забудет, выйдет замуж. Что сына сможет поднять и одна. И что самая главная потеря совсем не у нее, а у науки, у чужих людей. Впрочем, это не так: для нее потеря также невозможная.

– Раиса Сергеевна, поймите...

Дальше следуют длинные объяснения, что такое ревматизм, порок сердца, цирроз печени (заболевание, сопровождающееся разрастанием рубцовой ткани, нарушающим функцию печеночных клеток).

Слова, которые я говорил уже двести раз! Она их не может понять. Смотрит своими водянистыми голубыми глазами. Во мне уже закипает злость.

– Михаил Иванович, ну подождите хотя бы с неделку! Я вас умоляю...

– Не могу. Извините, пожалуйста, мне нужно идти.

Ушел. Она еще что-то пыталась говорить. Нет. Не могу. Хорошая дополнительная зарядка перед операцией! Черт бы ее побрал! А что сделаешь? Она несчастна. Она не виновата. Никто не виноват. Все мы виноваты, что не можем создать жизнь без этих драм. Без вот таких, когда смерть.

Есть несколько минут до утренней конференции. Нужно зайти проститься.

Третий этаж. Маленькая палата. Цветы. Саша сидит в кровати. Сутулый. Грустный. Жалко, ох, как жалко его!

– О, Михаил Иванович, здравствуйте, заходите.

Улыбается. Чудесная открытая улыбка на худом, бледном лице. Секунду рассматриваю его как друг и как врач. Ничего, держится.

– Спал?

Обычно я называю его на «вы». Все-таки он не мальчик, ученый, такой рафинированный интеллигент. Всех нянек зовет по имени-отчеству. Но сегодня нельзя. Нужна опора. Раечка его, наверное, достаточно подогрела. Плакала, конечно.

– Посидите хоть немножко!

Делаю бодрящую улыбку и сажусь напротив. Он стал серьезен.

– Михаил Иванович, времени мало. Вам нужно проводить конференцию, меня уже ждет Дмитрий Алексеевич со своими шприцами. Я еще раз все продумал. Это грустно, но выхода нет. Значит, как решили, так и будет. Остается только достойно держаться.

– Все будет хорошо. Я уверен.

Я не уверен. Но все было высказано вчера. Раз он решил – не изменит. Поэтому нужно лгать. Так мне кажется.

– Не нужно, Михаил Иванович. Я все знаю. Я люблю логику, и моя логика работает точно, несмотря на все эмоциональные помехи. Я задержал вас не для этого. Вы для меня много сделали. Вы – человек.

– Без громких слов, Саша. Я их тоже не люблю. Давай дело.

– Вот здесь рукопись. Это краткое содержание тех идей, которые я вам не раз развивал. Есть кое-что новое, работа последних дней. Прочитайте на досуге. Я не честолюбив, но мне приятно... будет приятно, если они окажутся интересными... кому-нибудь. Это первое. Второе – это Сережа. Вы знаете Раю. Не буду о ней ничего говорить. Знаю, что вы не сможете повлиять на его воспитание. Просто это невыполнимо технически, даже если бы вы хотели. Но через несколько лет он будет многое понимать, и я прошу вас – поговорите с ним о жизни и обо мне. Может быть, он уже сможет понять некоторые мысли отсюда.

Он указал на сверток. Рука его чуть дрожала. Глаза были задумчивы и слегка влажны. Помедлил.

– И третье дело. Вот письмо. Возможно, к вам обратится женщина. Наверное, она придет скоро. Вы прочтите его сами и передайте ей... При всех условиях... Прочтите обязательно, чтобы знать, как с ней говорить. Ну, а если не умру, то не будем об этом вспоминать, как не говорили до сих пор. Вот и все!

И снова улыбнулся своей широкой улыбкой. Почти спокойно и почти весело.

– Я бы мог с вами сейчас говорить без конца. Но нет времени. А ваши нейроплегики (средства, понижающие возбудимость нервной системы) на меня не действовали: голова совершенно ясная.

– Не тот интеллект! Вот когда ты поправишься и мы сделаем машину для определения всей этой внутренней кухни... Тогда даже математики будут спать перед операциями и видеть сны.

Плоская фраза. Я стараюсь смеяться. Он тоже. Взглянул на часы.

– Ну, вам пора. До свидания, Михаил Иванович. Ни пуха ни пера!

А сам, наверное, думает «прощай». И я думаю то же, не обмануть друг друга.

Встаю. Даже рад, что нужно идти. Все мы такие.

– Ладно, ладно, иди к черту! Не стоит прощаться, сегодня увидимся. Держись, не подведи.

Он еще улыбнулся. Сделал легкий прощальный жест, и я ушел. По-моему, он повеселел. И мне как-то сразу стало легче на душе. Большое дело – улыбка, смех. Даже вот в таком положении.

О, уже пять минут десятого! Нужно идти на конференцию. Авось переживем!

Утренняя конференция в клинике – это важное дело. Правда, она берет до часу времени, но с пользой.

Зал. Стол, как для президиума, за которым я сижу один. Большой негатоскоп (аппарат для рассматривания рентгеновских снимков) за моей спиной. Ряды стульев. Впереди старшие помощники: анестезиолог, Петро, Мария Васильевна, Семен Иванович, Олег. Потом ординаторы, сзади – сестры. Народу много, так что некоторые девушки стоят. В общем не очень тихо. Поболтать все любят.

Коротко докладывают ночные сестры: сколько больных, кто с высокой температурой. Подробно говорят о тяжелых. К сожалению, их всегда достаточно. Через пятнадцать минут сестры уходят. После этого оперировавшие вчера хирурги рассказывают о своих операциях – что было обнаружено, что сделано, осложнения, результаты, состояние утром. Все ошибки обсуждаются честно и откровенно. Говорят, что у нас это поставлено хорошо. «Критика и самокритика на сто процентов, невзирая на лица!» Я давно убедился, что скрывать свои ошибки просто невыгодно: о них все равно узнают и еще прибавят. Конечно, неприятности от обсуждения ошибок бывают: когда слушают сорок человек, знает вся улица. Но мы идем на это. Очень полезное дело.

Дальше докладывает дежурный врач:

– В клинике сто сорок пять человек. На третьем этаже тяжелая больная Трофимчук. У нее одышка. Все время приходится давать кислород. Пульс – сто сорок, аритмия. В общем декомпенсация. В послеоперационной палате все дети в приличном состоянии.

На втором этаже тяжелый больной Оникко после удаления легкого по поводу рака. У него не держится разрежение в плевральной полости, и я ему несколько раз отсасывал воздух. Он иногда задышался, но теперь хорошо. Кроме того, у него повышалось кровяное давление, и я его снижал пентамином.

Слышу – Петро шипит: «Вот подлец, вот сукин сын». Не выдерживает:

– Степан Степанович, какое там хорошо! Он того гляди умрет. Вы расскажите, как вы ему отсасывали воздух.

Тот мнется. Я требую пояснений от Петра.

– Я не знаю, что он делал с больным ночью, но утром я застал Оникко синим, с жестокой одышкой, с высоким кровяным давлением. Типичная тяжелая гипоксия (кислородное голодание). Отсос не работает, потому что неправильно установлен, в легком полно хрипов. Я наладил отсос, ввел в трахею трубку и отсосал много вязкой мокроты. Теперь ему стало немного легче, кровяное давление понизилось, но больной долго был в состоянии кислородного голодания, и неизвестно, как это отразится на сердце.

Я делаю непроницаемое лицо. Впрочем, наверное, все видят, что я злюсь.

– Вы знаете, как обращаться с отсосом, Степан Степанович?

– Да, знаю.

– Сколько раз вы его проверяли за ночь? (Отвечает, что много. Врет, наверное.)

– Вы слушали больного?

– Да, слушал.

– И что же?

Молчание. Новый вопрос, как будто совсем спокойный:

– Почему у больного повысилось давление?

Пауза. Потом Степа промямлил ответ:

– Я понимаю теперь, что от гипоксии. А я думал, у него гипертония.

– Очень плохо, что вы поняли так поздно.

Снова пауза. Полная тишина. Мысленно: «О, дурак! Дубина, зачем ты тут сидишь?» Ладно, нужно быть вежливым. Спокойно.

– Степан Степанович, мне все совершенно ясно, и я не хочу слушать никаких оправданий. Мне некогда проводить расследование. Вам придется покинуть клинику, так как вы не подходите для такой работы, как у нас. Напомню вам: когда вы поступали, ставились условия такие же, как и всем другим: если вы нам не подойдете – я вас предупреждаю, и вы тихо, спокойно ищите место и уходите по собственному желанию, без выговоров в приказе; если вам у нас не понравится – скатертью дорога, в любой момент, даже если вы окажетесь гением. Тем более что работу хирурга в городе найти совсем не трудно. Напоминаю дальше: вам было уже сделано два «серьезных предупреждения». Больше того, я уже предлагал вам уйти. Вы собирались, но не ушли. Я смолчал. Больше терпеть не могу. Человеческая жизнь дается однажды, простите меня за эту банальную фразу. Повторяю в который раз для всех – у нас в клинике свой кодекс о труде: врач работает столько, сколько нужно для больного. Начало – ровно в девять, а конец – когда будет сделана вся работа. Второе: если врач не годится, он должен уйти. Сам, без вмешательства дирекции и профсоюза. Вопрос о соответствии решаю я. Поскольку человеку свойственно ошибаться, я советуюсь со своими старшими помощниками. Вопрос о вас, Степан Степанович, решен давно – уже с полгода. Если вы не уйдете, я буду вынужден добиваться вашего увольнения через официальные инстанции. Итак?

Степа стоит такой жалкий.

– Ну что ж, я уйду. Только подождите, пока найду место. Все-таки у меня семья.

– Сколько ждать?

Молчание. Тягостное молчание.

– Садитесь, пожалуйста.

Наверное, это жестоко. Вижу, что всем неловко и стыдно. Так вот человека выгонять. Что в таких случаях делать? Степа виноват. Больного чуть не уморил. Он не первый раз делает одинаковые ошибки: два месяца назад погиб на его дежурстве мальчик почти при тех же обстоятельствах – тоже не отсосал мокроту. Но мне как-то все равно плохо. Жалко парня. Может быть, нужно еще поговорить с ним? Убедить, помочь? Еще дать срок? Нет, хватит. Что бы я сказал дочери этого Онипко?.. Встает Петро:

– Михаил Иванович, давайте оставим Степана еще. Он исправится.

Вот, сначала нажаловался, а теперь милосердие. Прошлый раз он не возражал.

– Вы хотите его оставить? Пожалуйста, если вы будете за него дежурить и вести больных. Пусть он только деньги получает.

Как это оскорбительно! Степан встал и вышел, весь красный. Я сделал вид, что не заметил. Они все меня ненавидят в этот момент. Я вижу.

Петро стоит.

– Оставьте Степана. Мы ему поможем. Он хороший. Правда, товарищи?

Одобрительный шум.

Мне остается только молчать.

Неприятная история. Но я не могу поступить иначе. Они все думают, что я жесток. А мне кажется – наоборот. Нет, не каждый может лечить тяжелых больных. Не каждый. Злюсь. И жалко. Надо сдержаться. Отложить.

– Докладывайте операции на сегодня.

Подробный разбор больных, идущих на операцию, производится по субботам на всю будущую неделю. Тогда же составляется расписание. Утром оперирующий хирург только напоминает основные сведения о больном и обсуждается план операции. Впрочем, иногда обсуждение бывает долгим.

Сегодня обычный день: пять операций, из которых одна с искусственным кровообращением – это Саша. Начинают обычно с младших. Два ординатора сообщили о больных с митральными стенозами. Затем рак легкого. Семен будет повторно перевязывать боталлов проток.

Первая операция у мальчика была два года назад, незадолго перед тем злополучным днем, когда умерла на столе Майя. Хорошо помню. Не нужно сейчас...

После этого мы изменили методику – стали прошивать проток скобками в два ряда и сверху того перевязывать ниткой. Но у четырех больных, оперированных ранее, возникли рецидивы, и приходится вмешиваться повторно. Хорошо, что без аневризм.

Много воды утекло с того дня. Мы сильно продвинулись вперед. Мы – это вся клиника. Внешне это выражается сложностью и количеством операций, но за этим стоят знания, понимание природы болезней.

Изменились наши врачи. Вот, Семен будет повторно оперировать боталлов проток – повторно тогда мог делать только я. Петро уже доктор наук. Он и Мария Васильевна всю оперируют с искусственным кровообращением. Кроме того, десять кандидатов сидят передо мной. Мне, правда, не кажется, что они стали много умнее, но если посмотреть со стороны, почитать их научные работы, то, наверное, это так.

Мы еще не довели наш АИК до совершенства. Но кое-чего достигли. Можем выключать сердце на два часа, и гемолиз еще остается в допустимых пределах. Это хорошо. Но надо сделать лучше, и инженеры работают над новыми моделями.

Да, конечно. Прибавилось славы. Нашей клинике завидуют. Народ говорит о чудесах, которые мы будто бы делаем. Всем видна внешняя сторона. И только немногие знают, чего это нам всем стоит. Отдал бы я и славу, и степени за очень простую цену – чтобы не умирали больные. По честному? Да... Да!

Вот сейчас будут рассказывать о Саше. В субботу его не разбирали, поскольку еще не был окончательно решен вопрос об операции. Разумеется, со старшими помощниками я много раз обсудил, но форма должна быть соблюдена – нужно доложить всем врачам. Тем более что все его знают и любят. И может, они перестанут на меня злиться.

Вася докладывает по всей форме – коротко и сухо. А у меня перед глазами проплывает эта история совсем иначе – с красками и мучительными сомнениями.

– Больной Александр Поповский, тридцати двух лет, математик, доктор наук, поступил в клинику три месяца назад с диагнозом «недостаточность митрального клапана» (порок сердца, при котором двухстворчатый клапан не смыкается полностью, в результате чего часть крови при сокращении сердца выбрасывается обратно в предсердие). За последние два года он трижды лежал в нашей клинике и несколько раз в других больницах. Общее состояние средней тяжести. Пульс сто десять, мерцательная аритмия.

Далее следуют данные многочисленных анализов и исследований. Рентгенограмма показывает: все отделы сердца расширены. Диагноз: недостаточность митрального клапана с отложением извести в створках. Нарушение кровообращения. Значительные вторичные изменения в печени.

План операции я рассказал сам. Вскрытие левой плевральной полости, затем – перикарда. Искусственное кровообращение. Гипотермия (охлаждение организма под наркозом, нужное для выполнения некоторых сложных операций). Разрез левого предсердия. Ревизия клапана. Если створки его не очень изменены, то попытаться выполнить пластику, то есть утаивание клапанного кольца. При сомнениях в эффективности – вшивание искусственного клапана. Он надежно устраняет недостаточность и сразу облегчает работу сердца. Должен облегчить.

Вопросов и замечаний не было. Младшие, может быть, постеснялись, а со старшими уже было обсуждено.

Ассистенты: Мария Васильевна и двое молодых докторов – Женя и Вася. Наркоз: Дима – Дмитрий Алексеевич.

Конференция закончилась. Расходились молча. Я вижу, что всем не понравилась моя расправа со Степой. Мне тоже не по себе. Но не очень. Все мысли о предстоящей операции. Степино самолюбие так ничтожно перед этим. Переживет. Пусть работает где-нибудь и не

губит нам больных. Я так себя убеждаю. Так вбита в людей идея возмездия. Ладно. Я ее придавлю. Сумею, сделаю. Степины обиды тут ни при чем.

Пойду в кабинет, посижу, подумаю. Нужно собраться – там, внутри.

Кабинет. Какой он неуютный! Не умею создать уют. Черт с ним! Как хочется закурить! Но нельзя. Перед сложными операциями стараюсь терпеть. Затуманивает мозг, и руки больше дрожат.

Чем бы заняться? Небось там будут копать час. Вечно так – пока найдут сестру, одного, другого доктора, каталку, пока сделают уколы. Не могу довести до порядка: уже отчаялся. Видно, не умею. Есть, говорят, клиники: операции в 9.00, и все точно. Завидую.

Дел на столе полно, но они или скучные, или неприятные. Диссертации, присланные на рецензию. Научные «труды» своих ребят. Всякие письма от больных, которых нельзя оперировать из-за тяжести состояния. Как их утетишь? Нет времени писать длинные ответы. Да и слов уже нет, кажется. А вот это хорошее, я уже его читал, но хочется еще раз. От матери Катеньки. Как ее фамилия? Забыл: склероз. Да, Смирнова. «Дорогой профессор! Вчера исполнилось два года после операции. Мы празднуем этот день больше, чем день рождения...» Приятно. Сколько было с ней мучений, пока выходили.

Давай посмотрим еще раз Сашину историю болезни. Она толстая, за столько месяцев. Целый том.

Анализы. Снимки. Записи. А вместе с ними и сама история. Не та, что записана тут, а та, что мелькает перед глазами. Как это все переплелось: Саша, его болезнь, мои ощущения, хирургия.

Может быть, я где-то допустил ошибку с Сашей, с этим искусственным клапаном?

Я не думаю словами. Всю эту историю я знаю очень хорошо, и слова не нужны. Вспыхивают только отдельные картины. Длинные разговоры проносятся как молнии – одним только смыслом. Когда пишешь и говоришь – волочишь груз слов – грубых, невыразительных. Будет ли когда-нибудь разговор мыслями? Фантазии. Говорят, бывает между близкими. «Понял без слов». Было? Нет, пожалуй, не было. Что-то очень примитивное. Как мне сейчас нехорошо. Наверное, так бывает на войне перед сражением, от которого все зависит.

Первое знакомство: в рентгенокабинете, на амбулаторном приеме. Много больных. Молодой человек, направленный с митральным стенозом.

– Никакого стеноза. Недостаточность третьей степени.

Эти терапевты и до сих пор большинство больных присылают с неправильными диагнозами. Не ругай терапевтов – это самая умная специальность. Должна быть такой.

Мягкий голос. Смущенные вопросы.

Приговор: «Ждать. Мы ищем».

Конечно, что мы тогда могли предложить? Были уже первые попытки или еще нет? Стал забывать хронологию. Как это можно – такое забыть?!

Много изобретали разных операций для лечения недостаточности. И я – тоже. Помню: кровотечение. Фибрилляция. Смерть на столе. Опустошенность. Досада. «Туда же, изобретать... дерьмо».

Неужели сегодня будет то же? Как ноет сердце! Приду домой: «Проклятье! Никаких клапанов больше! На грыжи, на аппендициты... на свалку...»

Даже обидно, что все это проходит... И тогда прошло. Больные с недостаточностями ждут. Несчастные. Без надежды на жизнь.

И Саша снова пришел. Через год, наверное? Да, уже мудрили над новой операцией. АИКа еще не было. Только на собаках. Значит, года три назад. Как время летит. Пусть летит. Я уже не хочу ни остановки, ни возвращения... Это ты только сейчас. Операция кончится хорошо – скажешь: «Еще пооперируем!»

Так же и тогда: кабинет, я после удачной операции (пищевод, кажется? Дед такой смешной – поправился). Чудесный вкус сигареты (сейчас бы!). Никуда я не спешу. Послушал Сашу, посмотрел. На животе еще тогда жирок был, не как теперь – одна только плотная печень выпирает. Лицо уж очень умное, располагающее. Рассказал ему о готовящейся операции. Для чего? Наверное – похвастать. Он загорелся, не понимая, что все это глупости. Я и сам не понимал. Дальше – больше. Разговоры о медицине вообще. Что она такая-сякая, без теории, неточная. Потом о диагностической машине – тогда в печати появились сообщения, и мы заинтересовались ими. Он предложил свои услуги как математик. Помню, мелькнуло «Он такой приятный и умный, а ему будет все хуже. Будет жалко и нельзя помочь. Откажись».

– А, ничего!

Вот и «ничего».

Отказал бы тогда – сейчас не сидел бы и не плакался.

Хорошо бы уже иметь эту диагностическую машину. Сегодня она очень нужна – для автоматического регулирования АИКа. Все-таки эти девчонки-машинистки иногда делают ошибки. А сегодня будет очень трудно.

Не стал он серьезно заниматься диагностическими машинами. Потянуло в психологию. А жаль. Может, у нас было бы что-нибудь.

АИК будет работать долго – часа полтора. Сумеют ли удержать постоянство всех показателей крови? Если будет гипоксия, тогда все. Не перенесет.

Какой он интересный человек! Я ходил влюбленный, после того как мы встретились несколько раз. Медовый месяц. Жаль, что отношения испортились и к прежним уже не вернулись. Нет уже той теплоты. А была ли она у него? Не знаю.

Он для меня открыл новый мир. В чем суть? Количественные отношения во всем. «Информационный план мира». Не могу объяснить словами. Слаб. Не усвоил полностью. Биология, искусство, социальные науки. Всюду царят законы переработки информации. Не пытайся уточнять. Это он умеет все разложить по полочкам, вывести возможные количественные закономерности, где точные, где вероятные.

А душа? Я уже не знаю. Я часто попадаю впросак в определении людей. Открытая улыбка, мягкость, безукоризненный такт, вежливость. Полное отсутствие честолюбия. Никого не хает. Лишь изредка тонко намекнет. А теперь мне кажется, что под этим такой спокойный холодок. Мудрость это или эмоциональная бедность? Была ли дружба? С моей стороны – да, а он? Встречались каждую неделю. Как доктор я видел, что ему все хуже. Одышка. Утомляемость. Часто ложился во время беседы после тысячи извинений, которые меня раздражали. Не было простоты у него. Не пойму, от воспитания или холода? Всегда мне было немножко обидно. Бог с ним, его нельзя судить. Восходит на свою Голгофу... Высокопарно звучит.

Повезли уже, наверное? 10.30, пора. Улыбался он хорошо сегодня. Что-то будет через несколько часов? Как перенести, если умрет?

Помнишь, как после той операции, к которой готовились при знакомстве? Уверен был, что сделаю. Глупая самонадеянность! Больной умер через несколько дней от сердечной слабости. Исправить клапан не удалось. «В последний раз, больше не буду. Пусть умирают без меня...»

Саша тогда погрустнел. Скоро появилась декомпенсация, пришлось положить в клинику. Все что-то писал, лежа в постели. «Жить осталось немного, и нужно подумать о некоторых философских и психологических проблемах. Хотя бы уяснить для себя, объяснить другим уже не успею...» Читал о йогах, Библию, о телепатии. Но мистиком не стал. Посмеивался. «Ничего нет, одна машина!»

Одна машина. Умом я никогда не верил в Бога, но все-таки как-то не по себе, когда они грозятся смоделировать на машинах человеческие чувства, сознание, волю. Хочется думать, что это будут не те чувства. Не настоящие. Но Саша абсолютно уверен. Говорит – те самые.

Ты помнишь изумительное ощущение счастья после первой удачной операции с АИКом? Неужели это может и машина? Не знаю. Конечно, я ему очень доверяю, но, наверное, уже стар, чтобы поклоняться новым богам. Достаточно с меня обычного материализма. Из кибернетики меня вполне устраивают диагностические машины и автоматы, управляющие искусственным кровообращением. Никаких чувств для них не нужно.

Или, например, совесть. Что же, и это будет у машины?

Все-таки я поступил тогда, как мальчишка. Дружба – это священное чувство, и его нельзя так просто выбрасывать на помойку. Подумаешь, оскорбился.

Да, конечно, но была ли эта дружба обоюдной? Не нужно думать плохо. Каждый дает, что может. Он больше не мог. Все ушло в интеллект. К тому же он больной. Кажется, тогда второй раз лежал у нас с декомпенсацией. Да, второй.

Как было горько и досадно после этих неудач! Думали, вот теперь, с искусственным кровообращением, будем исправлять недостаточность. И опять смерти – одна, другая. Разве было счастье? Где оно?

Нет, он все-таки не чуткий. Нельзя было это мне говорить, когда я пришел к нему как к другу, измученный, убитый. А он показал американские журналы с фотографиями искусственных клапанов. Подумаешь, прооперировали двух больных.

Не хвались, ну, не хвались. Признал, что отстали и сами виноваты. Значит, не проявили должной настойчивости, чтобы преодолеть трудности. «Преодолеть трудности» – тоже агитатор!

Что он тогда сказал?

– Видимо, мне не дожидаться, пока вы клапаны сделаете.

Самое главное, как это было сказано. «Вот я, а вот вы». Он тогда решил какую-то очень трудную задачу, что-то важное для обороны. А мы не можем делать операций, которые уже придуманы.

Что на это скажешь? Пришлось проглотить.

Ну, чего вспоминать. Больной. Такие планы, а тут чувствует – скоро конец. Рядом люди, которые плохо делают свою работу. Даже тактичный человек не сдержится.

А дружба?

Конечно, я дрянь, что потом не пошел, но и он не сделал ни одной попытки. А как я ждал хотя бы маленькой весточки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.